СИМА СОЛОВЬЕВ

КНИГА ПРО ТЕБЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для восьмилетней школы.

- Сима Соловьев
  -
  -
    - Пламень с юных дней
    - Рисунок и краски
    - Трудный рубеж
    - Изыскатели и «тюфяки»
    - Скучная жизнь, которой все завидуют
    - Умеешь быть добрым?
    - Кому открыта радость?
    - «Я» и «мы»
  -
    - Чему ты учишься у людей
    - Есть ли у тебя друг?
    - «А про меня ты подумал?»
    - Валерка из аэропорта
    - Любит… не любит…
    - Кто он, мальчишка Санька?
    - Два Бориса
  -
    - Что человек может
    - Сережа и Поливаниха
    - Главная минута
    - Обида Вити Леонова
    - На берегу Москвы-реки

Сима Соловьев
КНИГА ПРО ТЕБЯ

Издание второе, дополненное.

Школьная библиотека

СИМА СОЛОВЬЕВ

КНИГА ПРО ТЕБЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
Москва — 1965

От автора

В этой книге — один герой, и притом несколько необычный. Ты не прочитал еще и первых строчек, а уже знаешь о нем решительно все: когда он родился, где живет, что любит и что с ним в жизни

случалось.

Догадался, о ком идет речь?

О тебе самом.

Посмотри на себя со стороны. Вот ты вошел в класс. Папка под мышкой, руки в карманах. Небрежно поздоровался со всеми, достал тетрадку: «У кого 348-й номер получился? Дайте посмотреть!»

Урок. Учитель открыл журнал. В классе тишина… Кого вызовут?.. Эх, опять тебя! Ты неуклюже встаешь из-за парты (немножко мала она стала!), идешь к доске.

На перемене выбежал во двор и устроил возню, дал кому-то тычка, лениво погонял смятую консервную банку.

Наконец уроки кончились. Пришел домой, поел, почитал, посидел за географией — завтра, наверно, вызовут. Потом постоял с ребятами у ворот, поболтал о том, какой магнитофон у Мишки-слесаря и в кого влюблена Лена из пятого подъезда. Если ребята стали закуривать, ты, может, тоже взял «одну» (в зависимости от того, какое у тебя настроение и давно ли ты в последний раз обещал не курить).

Нетерпеливо слушаешь ты, как ворчит, придя с работы, мать. «Ну ладно, ладно, сказала бы просто: мол, сходи за хлебом, а то…» И ты с недовольным видом выносишь мусорное ведро и отправляешься в булочную.

Вечером ты идешь в спортивный зал, играешь в баскетбол, резко бьешь по мячу и сердишься на нерасторопных товарищей.

Вернулся домой, снял буклевый пиджак, клетчатую рубашку, майку, пошел умываться. Аккуратно, шов ко шву, сложил брюки, повесил их на спинку стула, лег спать на диван, где с правого бока пружина выскочила — сколько раз говорил матери, что надо перетянуть диван!

Вот так примерно выглядишь ты, если посмотреть со стороны, и тебе иногда кажется, что все твои сверстники живут такой жизнью.

Тебя, как и твоих товарищей, частенько ругают то за непочтительность к старшим, то за лень, то еще за что-нибудь… Взрослые (приходилось слышать?) жалуются друг другу: «Что за молодежь пошла! Нет, мы были другими…»

И не понимают люди, что ты совсем не такой, каким кажешься со стороны.

Я не знаю тебя, но уверен, что ты много думаешь о том, кем тебе удастся стать и как ты будешь жить. Ты знаешь то, чего никто о тебе еще не знает: что ты обязательно будешь очень большим человеком. Крупным инженером. На весь мир известным врачом. Первым из первых летчиков-испытателей. Писателем.

У тебя много знакомых, есть и настоящий друг. Его считают чудаком, но ты-то знаешь, что у него железный характер, и втайне завидуешь ему. Он может сутками сидеть в одной майке и мотать катушку Румкорфа — 10 тысяч витков тончайшей проволоки. Проволока то и дело рвется, а друг твой спокойно паяет ее и опять мотает виток к витку. И на все ему в жизни наплевать, лишь бы катушка вышла.

С ним интересно — у него на всех и на все свои взгляды, и он никого на свете не боится.

И еще есть в твоей жизни… Но об этом вслух не говорят.

Словом, ты ходишь в школу, и в магазин, и на секцию, но все это, если разобраться, ты делаешь не для себя, и не для матери, и не для классного руководителя Николая Александровича, а для одного человека из 7-го «Б». И с утра уговариваешь себя не звонить ей сегодня (нельзя же каждый день!)… Но вечером, подойдя зачем-то к телефону, убеждаешься в полном своем безволии…

Вот, наверно, какой ты на самом деле, — человек интересный и сложный.

Хорошо было бы подружиться с тобой!

А что тут такого? Я предлагаю тебе дружбу. Конечно, ты волен отказаться. Это твое право. Но, может, мы с тобой и вправду подружимся.

Я вожатый. Зовут меня Сима Соловьев.

Итак, если ты согласен, давай посидим, поговорим о том, как мы с тобой будем жить дальше и что делать.

ПРО ТВОЙ ХАРАКТЕР

Пламень с юных дней

Между друзьями нередко заходит разговор о том, кем стать. Тысячи профессий есть на земле, простых и сложных. Иногда говорят, что они все доступны тебе. Это не совсем так. Нельзя загадать, как сложится твоя жизнь, хватит ли у тебя способности и упорства добиться своего. К тому же ты еще очень мало знаешь. Сегодня хочешь стать летчиком, завтра, может быть, решишь пойти в радиотехники, а через год поймешь: нет профессии лучше, чем строитель. Это не страшно. Все придет со временем. Профессию выберешь, когда тебе будет лет семнадцать. Но характер, взгляды, отношение к жизни надо вырабатывать уже сейчас.

Так вот: каким же стать? Какой характер вырабатывать?

Я тебя знаю, ты человек сообразительный и таким вопросом тебя не смутишь. Ответ готов заранее:

— Каждый пионер должен быть честным и смелым, хорошо учиться, быть хорошим това…

…Эй, постой, погоди! У нас с тобой речь идет не о *каждом* пионере, не о пионерах *вообще, а о тебе*. Именно о тебе, том самом, кто сидит сейчас где-нибудь на диване и читает вот эту страничку. Какой ты?

Смелый? Трусоватый?

Веселый? Скучный?

Добрый? Злюка?

Спокойный? Суматошный?

Терпеливый? Непоседливый?

Это очень важно, и ты задержись, пожалуйста, на этих строчках и немножко подумай о том, какой же ты.

Но, в общем-то, ценность человека зависит вовсе не от этих хороших или дурных качеств, а от чего-то другого, самого главного.

В киносценарии Аркадия Гайдара «Клятва Тимура» есть такое место.

Тимуру плохо. Товарищи почти все отвернулись от него. Даже верный Гейка, даже Женя. Вот тогда-то и подкараулил его Фигура со своими дружками…

Фигура:

— Ну, теперь мы тебе покажем!..

— А что ты, Фигура, со мной можешь сделать? — ответил Тимур, пожав плечами.

Фигура (озадаченно):

— Как что? Мы тебя изобьем по чем попало.

Тимур (после паузы):

— Бей! Но до смерти ты меня не заколотишь. А наши узнают, и тебе самому спуска не будет…

Фигура (грозно и удивленно):

— У тебя две жизни или одна? Ты со мной как разговариваешь? О чем думаешь?

И тогда, пишет Гайдар, Тимур тронул Фигуру за рукав и совсем неожиданно спросил:

— Фигура, ты стихи любишь?

Фигура (он глаза вылупил, удивлен до крайности):

— Чего-о?

Тимур:

— Стихи. Ну вот, например:

Отец, отец! Дай руку мне…
Ты чувствуешь — моя в огне.
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в душе моей…

Это Лермонтов, «Мцыри».

И вот Тимур спросил Фигуру, который, наверно, уже кулак занес, чтобы ударить:

— У тебя пламень в душе есть?

— Иди к черту! — после долгого колебания зло ответил Фигура.

Тимур ушел, а Фигура, оставшись со своей шайкой, задумался.

— Вот упрямая порода! Чего это он там бормотал? — И, надвигаясь на одного из мальчишек, спросил: — А у тебя есть в душе пламень?

— Нет… Этого нету… — гордо ответил мальчишка.

— Вот то-то и есть, что нету! — горько и зло пробормотал Фигура.

Этим и отличается Тимур от таких, как Фигура: у Тимура в душе с юных дней (и не таясь!) горит пламя, «пламень», как говорили в старину.

Вот, наверно, какой характер должен быть у человека: пламенный.

Если знать, зачем ты живешь, чего ты добиваешься на свете, если научиться всю свою жизнь подчинять одной главной мечте, то у тебя появится твердый характер и все лучшие качества души.

Часто говорят: «Будь как Ленин».

Как Ленин нам с тобой не стать. Ленин был гениальным человеком, вождем всех трудящихся. Но мы можем разжечь в себе

чистое ленинское пламя, мы можем подняться на борьбу за то, чтобы все люди вокруг нас были счастливы.

…Это было в пионерском лагере «Орленок». Здесь отдыхают ребята из разных городов страны. Однажды сюда приехали пятьдесят ребят, которые называют себя юными коммунарами. Каждый из них в своей школе собрал вокруг себя ребят, и они все вместе взялись за трудные, но важные дела: помогали колхозникам, работали в библиотеках, оборудовали красные уголки на фермах… День, когда не удалось сделать ничего полезного для людей, юные коммунары считают прожитым зря.

И даже здесь, в пионерском лагере «Орленок», на берегу Черного моря, юные коммунары вставали рано и, пока солнце еще не припекало, работали в совхозе или на стройке. Весело работали, дружно и возвращались в лагерь в хорошем настроении.

А по вечерам, когда становилось совсем темно, они цепочкой поднимались по узенькой тропинке в гору, где среди зарослей орешника притаилась маленькая полянка.

Там, на полянке, дежурный разжигал костер. Не костер, а огонек — несколько сухих веток, чтобы было светло и уютно. Этот сбор так и назывался: «Огонек». Усаживались вокруг костра на старых корягах, вожатый Витя Малов доставал из чехла гитару, и все негромко запевали мужественную песню про Кубу. Мне запомнилось, как кончается песня:

И прокричали трубы,
И прошептали губы:
Всем свободным
Нужно по солнцу.
Куба — да!

И обрывалась песня. Потрескивали сучья в костре, глухо шумело море, надсадно цвиркали цикады — южные кузнечики. Ребята молчали.

А потом начинались разговоры. Вот сегодня прожит день… Что хорошего сделали юные коммунары для людей? Что надо сделать завтра, послезавтра?

Когда «Огонек» кончался, дежурный командовал:

— Отряд! Встать! Смирно! Наша цель — счастье людей!

Пятьдесят ребят поднимали руки в салюте и отвечали сурово и торжественно:

— Мы победим! Иначе быть не может!

«Орленок» лагерь большой. В нем за смену отдыхает пятьсот

ребят. А пятьдесят юных коммунаров во всем были первыми. Они увезли с собой пятнадцать почетных грамот, и в каждой стояло: «За первое место». За первое место в спартакиаде и в труде, в художественной самодеятельности и шахматном турнире, в соревновании за чистоту палаток и на конкурсе смекалки…

Когда юные коммунары шли строем по лагерю, мальчишки выбегали из палаток и кричали в восторге: «Коммунары! Коммунары идут!»

А ведь это были самые обыкновенные ребята. Просто они поняли:

«Наша цель — счастье людей»!

И старались жить так красиво, чтобы всем захотелось подражать им и чтобы от них действительно была польза людям.

Зимой, на каникулах, юные коммунары вновь собрались все вместе — на этот раз в Москве. Каждый приехал не один — привез с собой друзей. Ребята собрались в Москве накануне Нового года. Стали думать: как отметить праздник? Им предложили: «Хотите на бал пойти?» Отказались. Можно было собраться за новогодним столом у кого-нибудь дома или в школе, где они остановились. «Неинтересно! — сказали ребята. — Надо встретить Новый год так, чтобы он навсегда запомнился».

И ребята придумали.

…В десять часов вечера 31 декабря юные коммунары собрались в просторном зале почтового отделения № 261, что на Ленинском проспекте. Быстро помогли рассортировать гору поздравительных телеграмм, разбились на группы и пошли разносить почту.

Представляешь — только что куранты пробили двенадцать, первые минуты Нового года. Сидит за праздничным столом пожилая женщина, вспоминает своего сына — он в Сибири электростанцию строит. И вдруг звонок. У порога — ребята: «Здравствуйте. Поздравляем с праздником! Вам телеграмма!»

Телеграмма от сына!..

Хорошо бы вот так и прожить всю жизнь, чтобы приносить людям радость, и тогда радость придет к тебе.

Рисунок и краски

Когда я был мальчишкой, я ужасно страдал оттого, что думал, будто у меня нет воли. Я был совершенно неудовлетворен силой своей воли. Бывало, день, за ним другой, а то и недели проходили в ничегонеделании. Но я мучился не столько потому, что вот зря пропал день или неделя (это, казалось мне, пустяки; еще сколько таких недель впереди!), а потому, главным образом, что видел в этом свидетельство слабой воли.

Я прямо с ума сходил из-за этой силы воли, чтоб ей неладно было. Однажды я решил: никакой воли и не существует. Это просто выдумка для оправдания своего безделья. Мол, нет силы воли — так что поделаешь… Я решил не бороться за силу воли, а просто жить как придется — и все.

Но это были жалкие увертки. На самом деле воля, конечно, существует. Только надо правильно понимать, что это такое.

Ученые-психологи говорят: воля — это способность человека сознательно контролировать свою деятельность, направлять ее к достижению цели.

Контролировать — то есть заставлять себя, разрешать себе и запрещать.

Иметь сильную волю — это вовсе не значит добиваться всего, чего тебе захочется. Такое, кстати сказать, и невозможно. Человек живет в различных обстоятельствах; иметь сильную волю — значит, учитывать эти обстоятельства, сознательно применяться к ним и, если нужно и возможно, изменять их.

Вспомни: сколько раз ты принимал решение с завтрашнего дня «начать новую жизнь»? Особенно в торжественные дни: в Новый год, или в начале учебного года, или в день рождения. «Теперь мне 15. Все. Решено. С завтрашнего дня начинаю заниматься английским и физикой. Каждый день по 4 часа. Умру, но выполню это решение», — говоришь ты себе, абсолютно уверенный, что так и будет.

Проходит день, два — и ничего не изменилось… Тебе даже стыдно вспоминать о своих клятвах, и ты с тоской думаешь: «Нет у меня воли…»

А на самом деле воля тут ни при чем. Просто ты еще не умеешь применяться к обстоятельствам.

В двадцатые годы было у нас в стране прекрасное общество НОТ — «Научная организация труда». Теперь все это почему-то забыто.

Одно из железных правил НОТ: прежде, чем реформировать свой день, изучи его. С часами в руках установи, на что ты

тратишь время. Найди резерв и используй его. И не составляй прожектерских, невыполнимых планов.

Воля не в том, чтобы лезть на рожон, а в том, чтобы принимать в расчет все препятствия и сознательно преодолевать их.

«Свобода воли, — писал Энгельс, — означает… не что иное, как способность принимать решения со знанием дела».

Твое поведение, как и поведение каждого человека, имеет не зависящие от тебя и от людей закономерности; когда ты научишься их понимать, ты станешь их хозяином. Тогда твоя воля будет сильной.

Есть дела, которые надо делать — никуда от них не денешься. И ты их делаешь.

Вот и все.

Надо идти в школу, и надо сидеть над грамматикой, и надо отправляться в магазин за продуктами, и еще тысяча всяких «надо» окружает нас железной стеной. Тут и рад бы быть слабовольным, да невозможно.

У человека, чуть только он становится самостоятельным, едва начинает ходить, появляется огромное количество «долгов». Он должен то, должен другое, должен третье… Это все честные долги, и платить по ним надо честно. Хотя бы для того, чтобы хорошо себя чувствовать. Потому что ничто не доставляет такого удовольствия, как сознание: вот ты должен был — и сделал.

И вот эта нескончаемая цепочка «должен — сделал», «должен — сделал», «должен — сделал» сама проведет нас по жизни, если мы ей доверимся. И чем больше человек «должен» — тем крепче становится его воля.

Думаешь, это уныло? Скучно? Ничего подобного. Дело в том, что эти самые «должен» так разнообразны в жизни, что с ними не соскучишься. И потом, по большей части все эти твои долги зависят от тебя самого. Ты сам принимаешь их на себя, когда ставишь перед собой цели, когда появляется у тебя какое-нибудь желание.

Собственно говоря, человек с сильной волей только тем и отличается, что он умеет подчиняться самому себе каждый раз, когда перед ним возникает слово «должен». Прославленный английский адмирал, «гроза морей» Нельсон страдал… морской болезнью. Он не мог ступить на палубу корабля, не почувствовав ужасной тошноты. И все-таки он всю жизнь провел в море… Потому что считал, что должен это сделать.

Недавно в одной книге о психологии я прочитал страничку, которая была для меня открытием. Я хочу поделиться этим открытием с тобой.

Оказывается, как утверждают некоторые ученые, надо различать два понятия: характер и индивидуальность.

Человек, у которого есть характер, по мнению некоторых ученых, обязательно должен иметь такие качества: трудолюбие, сознательность, честность, верность своему слову и постоянство в привычках.

Я не буду разбирать это перечисление, ты сам подумай над ним — оно очень интересно хотя бы потому, что определенно. Только пять качеств — не больше и не меньше. Есть они у тебя?

В то же время человек может быть скучным, мрачным, необщительным, веселым, добрым, грубоватым, терпеливым, непоседливым. Один и тот же рисунок можно раскрасить и желтым карандашом, и синим, и всеми цветами радуги. Так вот, те основные пять достоинств (трудолюбие, сознательность, честность, верность своему слову и постоянство в привычках) — это рисунок характера, основа его; а другие качества — краски характера.

Но это еще не все, и даже не самое интересное.

Ты, конечно, замечал, что с одними ребятами (или со взрослыми) тебе интересно, с другими — нет. И дело тут не в возрасте. Бывает такой малыш, с которым ты готов часами проводить время, а бывает такой сверстник, с которым через три минуты заскучаешь. Замечал? Ты обычно объясняешь это так: «С ним не о чем разговаривать».

Что ж, в принципе верно. Другими словами, более точно, научно эту мысль можно выразить так: у этого человека (с которым скучно) нет индивидуальности.

Индивидуальность — это то, что привлекает к человеку других людей.

Вот два одинаковых по своим умственным способностям человека; но один из них умеет играть на пианино, или водить автомашину, или понимает толк в радиоприемниках, а другой ничего этого не умеет и ничего не может противопоставить этим умениям, чтобы уравновесить их. Мы говорим в таких случаях, что у первого более яркая индивидуальность. Приведу веселый пример. Если человек научился хотя бы удерживать бутылку на кончике носа, и то он уже «увеличил» свою индивидуальность.

А что — и вправду! Мы даже скажем про такого: «Какой любопытный человек… Знаете, ему, например, ничего не стоит поставить бутылку на кончик носа и удержать ее…»

Конечно, мы будем заботиться о своей индивидуальности не тренировкой с бутылкой; есть на свете более серьезные и интересные занятия. Человек с выдающейся индивидуальностью

тот, кто абсолютно, неоспоримо превосходит всех в каком-то своем главном деле, и добился относительно больших, чем товарищи, успехов в нескольких других областях, например, в спорте, в своем излюбленном занятии, в общих познаниях. Это человек, который многое умеет и знает.

Про такого говорят, что он яркая личность, яркая индивидуальность.

Есть выражение: «Работать над собой». Как видишь, нужно очень много «работать над собой», чтобы приобрести волю, характер, индивидуальность, чтобы стать интересным человеком.

Трудный рубеж

Есть люди поразительно хладнокровные. Рассказывают, например, о выдержке известного английского ученого, открывателя пенициллина Александера Флеминга (он умер в 1955 году). Однажды друзья, желая испытать ученого, подкараулили его во время прогулки в саду и у самых его ног из-за кустов выстрелили из ракетницы.

В тишине сада внезапно раздался гром, треск, кусты осветились пламенем. Но Флеминг не отшатнулся, не отпрыгнул — он даже не вздрогнул. Он спокойно остановился и с интересом оглянулся — что, мол, тут происходит.

Человек с такой волей, конечно, не растеряется ни при каких обстоятельствах.

Но как приобрести это самообладание, эту выдержку?

В воспоминаниях писателя Виктора Шкловского можно прочитать про мальчишку, который решил продемонстрировать силу своего характера таким образом. На спор, на глазах у товарищей, он положил руку под колеса проходившего мимо поезда…

Нет, сила воли, сила характера, мужество воспитываются, а главное, проявляются совсем не так.

Несколько человек несут тяжелое бревно. Несут себе и несут, и со стороны незаметно, что один хитрит — он чуть-чуть опускает плечо, и ему идти легче, чем товарищам.

А другой тоже хитрит — делает так, чтобы ему было тяжелее, а товарищам — полегче. Со стороны эти хитрости незаметны.

Мужество приходит к тому, кто всегда старается первым подставить плечо, кто берет на себя самую тяжелую ношу… Но доброго желания быть мужественным — мало. Смелости приходится и учиться.

…Великий Гудвин, герой книги Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города», дал льву, который хотел стать отважным, чудесный «эликсир смелости». И лев действительно почувствовал себя бесстрашным и больше никогда никого не боялся. А когда выяснилось, что Гудвин никакой не волшебник и его эликсир чудесными свойствами не обладает, хитрый повелитель Изумрудного города объяснил: «Надо было сделать так, чтобы лев поверил в себя. Вот и все».

Смелость как раз и заключается в том, чтобы верить в свою способность противостоять трудностям и опасностям.

Если из школы идти проходным двором, то путь сокращается почти вдвое. Но ты не в ладах с тамошними ребятами. Вечно они

задираются. И ты каждый день сам себя уговариваешь, будто тебе некуда торопиться, и делаешь порядочный крюк, лишь бы миновать проходной.

Товарища обидели. Ты понимаешь — надо заступиться. Но страшно. Еще и самому попадет!

Но попробуй — хотя бы один раз — поступить принципиально, то есть так, как ты считаешь правильным, а не так, как легче. Только один раз. И ты увидишь, сколько сил придаст тебе эта решительность, как это славно — чувствовать себя смелым, ни от кого не зависящим человеком.

Помнишь, в детстве ты боялся темноты. Но стоило только один раз пересилить свой страх, и потом самому было смешно — какой ерунды боялся.

Так во всем.

Подумай, перед чем ты пасуешь, и попробуй хоть однажды пойти наперекор самому себе — и этого страха в твоей жизни больше не будет. Хотя, конечно, поступить так не всегда легко.

К концу смены в первом отряде установился такой «порядок»: что Машков хочет, то отряд и делает.

…Играют ребята в настольный теннис.

Машков подойдет, протянет руку: «Давай ракетку!» Тот, чья очередь, лишь робко возразит, а сам уже уступает место у стола.

У Саши Машкова всюду были лучшие места: в спальне — у окна, в столовой — у самой кухни. Там подают раньше и лишнюю порцию компота получить легче. И ведь ни разу Машков не дрался за свое место, ни разу никого не ударил. Все ему сами уступали. Как потом объяснили — «связываться не хотелось».

По вечерам, когда вожатая, уложив ребят, уходила из спальни, Машков начинал забавляться: то к одному пристанет с насмешками, то к другому.

Вот этих-то приставаний и боялись ребята. Какой-то странный народ подобрался в отряде. Ведь почти все страдали от Машкова, даже его дружки, потому что Машкову никто не был дорог. Если бы собрались да выступили против него сообща, живо бы поставили на место. А они, бывало, только радуются, если Машков к другим пристает. И еще посмеиваются над его шуточками.

Володя Бехтерев в этом лагере был новичком. Парень он хороший, ребята сразу его полюбили. Взять хотя бы резиновые ласты для плавания, которые привез Володя. Кто ни попросит — бери, пожалуйста. Володя и Машкова научил плавать с ластами.

В первые дни Володя и Машков дружили. Но как-то собрались ребята в лес за хворостом для костра.

А тут прошел слух, что в лагерь привезли маленькие топорики. Сухую елку таким топориком в два счета срубишь. Кто-то из мальчишек поменьше сбегал к старшей вожатой за топориком, вернулся счастливый. А Машков взял у него топорик, попробовал лезвие и пошел себе.

— Саш, я первый взял… — заныл мальчишка.

— А получишь последний. Понял? — только и сказал Машков.

— Ну ладно тебе. Отдай! — примирительно сказал Бехтерев Машкову.

— Ты чего лезешь? — холодно спросил тот.

Отошел Володя Бехтерев. Испугался. А чтоб успокоить совесть, сам себе сказал: «Не стоит связываться…»

А это уж закон: один раз струсишь, один раз уступишь — ох как трудно потом!

Такое случается не только у ребят. Бывает, что и на фабрике какой-нибудь самодур-начальник начинает устанавливать свои, негодные порядки и никто не решается ему перечить: боятся неприятностей. До тех пор боятся, пока не найдется смелый и твердый человек и не поставит этого «хозяина» на место.

Но кто с детства приучился безропотно подчиняться сильным, тот и потом, когда вырастет и пойдет работать, тоже будет подхалимничать, бояться испортить отношения с начальством. Нет, так нельзя! Что же тогда начнется за жизнь, если вот такие машковы станут управлять, а все вокруг будут рассуждать: «Да ладно, не стоит с ним связываться…»

И Володя Бехтерев однажды решился…

Дал он свои ласты какому-то мальчишке, а Машков тут же подошел и отнял их. Побледнел Володя, кулаки сжал:

— Ну и подлюга же ты!

Теперь обратного пути не было.

И стало Володе легче.

Недалеко от берега белела армейская палатка. В ней одно время жил речной патруль — несколько ребят, которые днем с биноклем и спасательными кругами дежурили на речке, чтобы ничего не случилось. Теперь палатка пустовала. Там и решили драться. Вечером. Один на один.

Я знаю: тебе очень бы хотелось, чтобы все кончилось благополучно, чтобы Володя победил Машкова.

Но не так-то все легко получается в жизни. Люди вроде Машкова всегда подлецы, а подлец на честный бой не пойдет. Он в душе самый большой трус.

Машков и один мог бы справиться с Володей, но, когда Бехтерев после вечерней линейки вошел в палатку речного

патруля, на него набросились сразу с четырех сторон Машков и трое его дружков.

Володя еле-еле убежал от них.

А утром ушел из лагеря насовсем. Ушел, как побежденный.

Человеку, который привык жить «в стороне», трудно вдруг стать бойцом. Мужества у Бехтерева хватило только на минуту.

Но я уверен, он навсегда запомнит, как он разогнулся, когда впервые победил свою робость. И в следующий раз он поступит так же. Только умнее и решительнее.

Изыскатели и «тюфяки»

Вот, наверно, за что тебя больше всего ругают: за лень. Мама говорит, что такого лентяя, как ты, свет еще не видывал. Директор школы тоже жаловался: «Способности не плохие, но с ленцой парень».

И ты уже сам привык к мысли, что ты лентяй, и это тебе кажется даже удобным. Например, не хочется утром вставать — лежишь и успокаиваешь себя: «Тут уж ничего не поделаешь, такой уж у меня характер — ленивый я». Вроде с тебя и взятки гладки — все дело в характере.

Но человек сам отвечает за свой характер.

Это точно, это в любом учебнике психологии можешь прочитать!

А дело тут не в лени. Когда тебя ждет интересное дело, куда только она девается — эта самая лень!

Значит, надо всю свою жизнь сделать интересной, тогда и характер твой изменится.

В книжке писателя Сергея Голицына «Сорок изыскателей» я прочитал: «Есть на свете изыскатели и есть… „тюфяки“».

Интересно сказано! Не правда ли, хочется сразу подумать о себе: а кто же я — изыскатель или «тюфяк»?

Изыскатели — люди деятельные, любознательные.

Они всегда увлечены делом, для которого им не жаль ни времени, ни сил. Изыскатель умеет ставить себе цель и идти к ней.

А «тюфяки»? Обидное, конечно, слово, но что поделаешь! Есть ведь такие ребята! Их ничто на свете не интересует. Они готовы часами болтаться у ворот, слоняться по двору, изнывая от безделья. Такие ничем не увлекутся: в спортивную секцию не пойдут, и аквариум не станут заводить, и электромоторчик мастерить… Все им кажется хлопотным и скучным. Чем же не «тюфяки»? Право, их даже жалко становится, когда подумаешь, какой неинтересной Жизнью они живут! Без дела расслабляется воля, без увлечения тускнеют дни. Только и радости, что уроки дома да уроки в школе…

В Эстонии, под Таллином, в местечке Нымме, меня познакомили с восьмиклассницей Ютой Веймар. Это славная девочка, очень красивая. Вот что я узнал про Юту.

У местечка Нымме очень богатая история. Однако ее никто никогда не изучал. Юта рылась в древних летописях, расспрашивала старых людей и написала историю Нымме. Изыскания Юты уложились в тоненькой тетради. Но по этой

тетради теперь готовятся к урокам учителя нескольких школ.

Может быть, тебе это тоже кажется скучным — рыться в летописях? Но, наверно, ты и не пробовал делать это, так что не торопись пожимать плечами. Разыскивать то, чего никто до тебя не знал, — что может быть интереснее!

Однажды вечером Юта собралась вести пионеров по окрестностям Нымме. Я попросил, чтобы они взяли меня с собой. Юта пожала плечами: пожалуйста, мне все равно, и я подумал: «Какая вялая девочка!»

Но когда ребята, освещая путь фонариками, добрались до старинного разрушенного замка и начали подниматься по крутым лестницам на башни, взбираться на какие-то странные каменные фигуры, медлительность Юты как рукой сняло. Она пробиралась в самые далекие и темные уголки, куда и мальчишки побаивались сунуться. А самое увлекательное началось, когда Юта негромко и быстро стала рассказывать историю всех этих руин, причем она вовсе не заботилась о том, слушают ее или не слушают: слушали все!

Возвращаясь, я думал: «Вот у этой девчонки настоящий характер изыскателя!»

Скучная жизнь, которой все завидуют

Побеждать себя очень трудно. Рассказывают, что летчики, которые буквально на все готовы — лететь в стратосферу, или на бреющем совершать полеты в сложных метеорологических условиях, или выполнять сложнейшие фигуры высшего пилотажа, не очень-то любят прыгать с парашютом. И даже космонавты, люди необычайного мужества, первое время без энтузиазма занимаются прыжками с парашютом. А думаешь, большая радость сидеть в жаркой термокамере, этой «чертовой бане», как назвал ее Андриян Григорьевич Николаев? А ротор, который крутит тебя сразу в трех направлениях? А сурдокамера, где ты сидишь неделями в полной тишине, не слыша человеческого голоса, не зная, что происходит там, на вольной воле?

Однажды, когда Андриян Николаев находился в этой самой сурдокамере, неожиданно погас свет и завыла сирена. Тревога? Авария? Что делать? Николаев спокойно отложил бортжурнал и, как рассказывает один журналист, «…хладнокровно, пожалуй, даже с интересом стал наблюдать за летающим багровым лучом и слушать мрачный рев сирены. „Железная психика!“ — сказал врач».

Человек научился побеждать себя…

А с чего он начал? Нельзя ли и нам с тобой на чем-нибудь потренироваться?

На первых порах никаких сложных установок не потребуется. И в обычной жизни есть немало поводов повоевать с самим собой.

Вот, например, тебе иногда кажется: стоит закурить или выпить водки — и ты уже «настоящий мужчина». В твоей школе есть, наверно, такие ребята. На переменках они собираются в уборной, курят, сплевывая на пол, через слово ругаются. Когда ты был поменьше и поглупее, ты немножко завидовал их развязности и тоже хотел стать «мужчиной». А может, и сейчас еще завидуешь?

Что ж, нет ничего проще. Курить ты, в конце концов, научишься. Сначала будет голова кружиться, а потом привыкнешь. Водку пить противнее, но и этому можно научиться.

Можно…

Но зачем?

Сила человека заключается совсем не в том, чтобы делать запретное. Это только кажется силой, а в действительности это слабость.

Один из хороших способов укрепить волю — не поддаваться дурным соблазнам.

Стань выше тех, кто смеется над тобой, когда ты отказываешься закурить. Уйди от человека, рассказывающего пошлые анекдоты. Скажи самому себе: «Водку не пью».

Конечно, может случиться так, что при этом ты потеряешь кое-кого из своих дружков, а то и врагов наживешь. Быть «не как все» немножко опасно.

Но зато ты выиграешь в глазах настоящих людей. И в своих собственных. Дело ведь не в том, что кто-то запретил тебе курить, пить, играть на деньги. Ты сам себе запретил это — значит, у тебя есть воля.

А волевых, сильных людей уважают.

У писателя Эммануила Казакевича в повести «Синяя тетрадь» есть такой разговор Владимира Ильича Ленина с рабочим Емельяновым. Разговор этот происходил ночью у шалаша, в котором Ленин скрывался от жандармов.

«— Тут один недостаток, — негромко сказал Ленин.

— Комары? — Емельянов виновато развел руками. — Да, комарья много, особенно ночью.

— Нет, не то. Нельзя работать по ночам, вот что худо.

— Может, оно и лучше, — заметил Емельянов. — Отдохнете.

— Хорошо курильщикам, — сказал Ленин после короткого молчания. — В такую вот ночь без света сидят и курят трубочку… И безделье, в сущности, и все-таки какое-то занятие.

— А вы давно не курите?

— Никогда не курил. Времени не было, и потом — лишний расход. Жили более чем скромно, каждую копейку приходилось рассчитывать. Помимо того — отвлекает. Страстишка хоть и небольшая, а все же страстишка. Привыкнешь — замучаешься без табака, не сможешь работать. А в нашем ссыльном да эмигрантском бытии остаться без табака было весьма нетрудно. Так и прожил скучную жизнь: не курил, не пил вина, за барышнями почти не ухаживал… — Он рассмеялся. — Но интересную все-таки жизнь, как вы думаете?»

Нам бы с тобой прожить такую «скучную» жизнь!

Умеешь быть добрым?

Вот какое наступило трудное время в твоей жизни: все люди вокруг не нравятся тебе и сам ты перестал себе нравиться.

Так хочется, чтобы каждый, кто с тобой рядом, был благородным, справедливым, смелым. А люди все какие-то обыкновенные. И учителя, которых раньше уважал, теперь вызывают порой злость и досаду. Ты иногда совершаешь такое, что самому стыдно становится. Вот недавно на зоологии объясняла учительница урок и вдруг вызвала тебя: «Повтори, что я сейчас рассказывала». Ты отвечал невпопад. Не о том думал. На уроке сидела Анна Петровна, классный руководитель. Она человек горячий и заботливый, она вас всех любит, и, если кого-нибудь из класса ругают, она огорчается и волнуется так, будто это ругают ее. И вот прямо на чужом уроке — такой странный человек! — подскочила она к твоей парте и давай, и давай… О чем, дескать, ты думаешь да что скажет мама.

Вдруг — что с тобой случилось? — такая злоба поднялась! Неожиданно для себя ты закричал: «Пошли вы все к черту!» — и убежал из класса. И сам испугался: что наделал? Хорошо, что Анна Петровна золотой человек. Что-то она там ребятам сказала, и все потом делали вид, будто ничего не произошло, и никто с тех пор об этой истории не вспоминал.

Нет, так нельзя. Надо взять себя в руки.

…Нас было три друга — Юрка Нифонтов, Валька Коровкин и я. Юрка был самый высокий, и мы за это особенно уважали его. Потом я стал быстро расти, расти и скоро перегнал всех. Но к этому времени оказалось, что уважают не того, кто выше всех, а того, кто самый сильный, у кого широкие плечи. И опять это был Юрка Нифонтов.

Прошло еще немного времени, мы давно перестали драться и «стыкаться» по каждому поводу, и теперь уже неважно было, кто сколько раз может подтянуться на перекладине. Мы научились уважать людей не за силу мускулов, а за силу духа, за твердость характера, за уверенность в себе и справедливость к товарищам. И опять наш Юрка Нифонтов был первым…

В чем тут дело? Человек растет, становится умнее, сильнее и меняет взгляды на людей. Сначала ценит в них одно, потом другое, потом третье, пока не научится правильно понимать окружающих его.

Начиная с седьмого или восьмого класса, с тобой как раз и происходит такое: ты начинаешь смотреть на людей совсем по-новому. Как будто вдруг прозрел и замечаешь то, чего раньше не

замечал. Взять хотя бы маму. До сих пор она на каждом шагу делала тебе замечания, а ты терпеливо сносил их. А теперь вы как будто ролями поменялись. Пошли с мамой в театр, и началось мучение: то тебе кажется, что мама слишком громко говорит, то будто она слишком медленно идет, и одета она не так, и замечания о спектакле делает не такие умные, как хотелось бы тебе услышать. Ты раздражаешься, сердишься, сердишь маму, и вы оба не получаете от театра никакого удовольствия.

И с товарищами отношения портятся. Тебе кажется, что они не умеют дружить, плохо к тебе относятся. Ты ссоришься со всеми, выискиваешь в друзьях несуществующие недостатки.

Но ты неправ. И вот почему.

Ты вырос. Твой глаз стал зорче, душа более чуткой, мысль — свободнее. С тебя больше спрашивают, и ты сам требовательнее относишься к людям. Но ты еще не научился понимать товарищей и взрослых. Недостатки ты прощаешь пока что только одному человеку на свете: самому себе… Ведь ты отлично понимаешь себя и знаешь, что каждый твой поступок, пусть и не совсем красивый, можно как-то объяснить. К себе ты добр. Осталось научиться быть добрым к другим… Постарайся сдерживать себя, потому что очень скоро — вот увидишь! — будешь со стыдом вспоминать это время.

Однажды я был на заседании совета дружины, где ругали паренька-семиклассника за то, что он не выполнил поручения. Не помню, что он там такое натворил. Кажется, не нарисовал заголовок для стенгазеты. И вот один из членов совета дружины вкрадчиво спросил паренька:

— Ты зачем вступал в пионеры?

Провинившийся молчал.

— Нет, ты ответь, зачем вступал? Ты помнишь про торжественное обещание?

— Мне кажется, — поднялся второй, — у него просто совести нет… Сегодня он обманул товарищей, а завтра предателем станет…

Художнику было стыдно, больно. Но именно это и доставляло удовольствие пионерам-прокурорам.

А мне, честно говоря, казалось, что «обсуждать» надо не столько художника, сколько того паренька, который произносил речь о «предательстве», и его друзей. Плохо, конечно, что художник не нарисовал заголовок. Но еще хуже, что ребята такие недобрые. Что им доставляет удовольствие чувствовать свою власть, унижать человека.

Мы потом долго говорили о том, что надо быть чутким к товарищу. Если его надо поругать — поругайте, но не тяните из

него жилы. Если надо пристыдить — стыдите, но так, чтобы стыдно было за него, а не за вас. Надо быть нетерпимым к несправедливости, нечестности, разболтанности. А товарищей всегда надо стараться понять. Надо всегда уважать их, даже если они совершили какие-то проступки.

Кому открыта радость?

В жизни много радостей, и только взятые вместе они делают человека по-настоящему счастливым.

Радость от восхода солнца, когда первый острый красный луч с силой пробивается сквозь верхушки деревьев; от чистых звезд в темном небе; от переливчатого журчания ручья в тишине ночи; от пения птиц; от блестящего снега в морозный день и мерного шума волн.

Радость от умной книги, волнующей душу любимой музыки, от картины, если ты ну просто не можешь уйти от нее — все время оборачиваешься; от глубокого фильма и праздничного спектакля.

Радость от переживаний любви, когда узнаешь, что девчонка, которая для тебя все, тоже любит тебя.

Радость общения с людьми, от умного разговора; от смеха и от песен, от танцев и от игр.

Радость за родных, за друзей, за людей, за их успехи, их счастье.

Радость уставшего, крепнущего тела, бодрого и здорового, утомившегося и отдыхающего.

Радость от вкусной еды, удобных, красивых, модных вещей, просторного и светлого жилья.

Радость любимого занятия, за которым забываешь все, особенно если ты коллекционер и тебе удается достать редкую марку или книгу, или ты рыболов, охотник, и у тебя хорошая добыча…

Радость от удачи, от везенья, от всякого значительного поворота в твоей жизни — когда приняли тебя в институт или на хорошую работу; когда тебя похвалили и вправду есть чем гордиться…

Радость от окончания трудной работы, от победы, от сознания собственной силы, от уверенности в себе.

Чем больше этих радостей доступно тебе, чем глубже они захватывают тебя, тем полнее твоя жизнь, тем больше ты ее любишь.

Владимир Ильич Ленин, как никто другой, отдавался труду и борьбе, но кто назвал бы его аскетом, отрешенным от жизни?

А. М. Горький писал о Ленине: «Он умел с одинаковым увлечением играть в шахматы, рассматривать „Историю костюма“, часами вести спор с товарищем, удить рыбу, ходить по каменным тропам Капри, раскаленным солнцем юга, любоваться золотыми цветами дрока и чумазыми ребятами рыбаков… Он

любил смешное и смеялся всем телом, действительно „заливался“ смехом, иногда до слез».

Для того чтобы принести людям что-то доброе, хорошее, надо самому быть человеком, сердце которого открыто для радости.

Представь себе, что твой отец, желая сделать для семьи жизнь получше, возьмет еще и работу на вечер, и будет приходить домой поздно, усталый, злой и молчаливый… Что толку будет от заработка? Какая радость от отца? Какое счастье в доме?

Этот пример — подумай над ним! — можно распространить и на всю нашу жизнь. Человек придавленный, озабоченный, угрюмый ничего хорошего не даст людям; если человек не умеет любить жизнь, от него мало пользы, как бы здорово он ни работал.

Ты живешь для того, друг, чтобы самому испытать все радости жизни, полной мерой насладиться ими и сделать все от тебя зависящее, чтобы это счастье было доступно всем людям.

Мы все хотим, чтобы именно ты жил очень хорошо. И не когда-то там в будущем, а каждый день твоей жизни; и нам горько, если в твоей жизни что-то не ладится. А ты, в свою очередь, включен в это понятие: «мы все»; ты хочешь, чтобы и твой друг жил лучше, и еще многие люди. И мы все вместе — и ты, и я — добиваемся этой лучшей жизни — для тебя, для меня, для твоего брата, для того незнакомого человека, который — выгляни в окно! — торопится куда-то по улице.

«Я» и «мы»

…А ведь, наверно, и с тобой бывало такое: рассоришься со всеми в классе, со всеми своими домашними, с целым светом, идешь по улице, изобретаешь сладкие планы мести — вплоть до самоубийства назло всем — и думаешь о том, что ты никому не нужен, и тебе никто не нужен, и отныне ты всю жизнь будешь держаться отчужденно и независимо от всех. Будешь жить в гордом одиночестве.

Конечно, это быстро проходит: на другой день все эти черные мысли забываются, и ты живешь, как прежде, как всегда — беззаботно.

Но стоит поразмышлять на эту тему спокойно: а кто ты есть? Какое место занимаешь ты среди других людей?

…Песню «Пусть всегда будет солнце» поют все. Особенно нравятся строчки ее припева:

Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама.
Пусть всегда буду я!

Но вот — странное дело! — с тех пор, как песня эта распространилась, в редакции газет время от времени стали поступать гневные письма такого, примерно, содержания: «Почему разрешают ее петь? Что это значит: „Пусть всегда буду я“? Это же проповедь эгоизма! „Пусть всегда будем мы“ — вот как надо петь!»

Эти люди не представляют себе, что слово «я» может иметь хоть какое-нибудь значение…

Откуда это идет?

Мы так привыкли слышать: «мы», «коллектив», «интересы коллектива», что подчас начинает казаться, будто слово «я» чуть ли не запретное, стыдное, и вообще «я», взятый отдельно от товарищей, сам по себе, никого не интересует, не имеет никакого значения.

Коллектив — это да, это сила. А «я» — что «я»?

…Человек учится музыке, тратит на это очень много времени, работает до одурения. Его ругают за то, что не пришел на субботник. «Да я же не мог, у меня был урок в музыкальной школе…»

«Подумаешь, урок у него! — отвечают горемыке… Что ты нам

все „я“, „у меня“! Интересы коллектива выше!»

Все отправились в кино, а я не хочу… Начинают говорить: «Отрывается от коллектива…» В лагере все пошли в лес, а мне хочется книжку почитать — тут же слышишь: «Ты что, особенный, да?»

И вот так постепенно забываешь, что ты и вправду особенный. Что каждый человек особенный. И начинаешь жить по принципу: «Как все — так и я». Все в лес — и я в лес. Все в кружок — и я в кружок. Я же не особенный… Принцип этот очень удобный: не надо думать, и даже хотеть ничего не надо. Как все — так и я. Примитивно.

Воспитанный так человек вскипает, услышав «крамольную» песню «Пусть всегда буду я». Мол, что это за выпячивание своей собственной личности?

По-моему прекрасно это сказано:

Пусть всегда буду я!

Мы часто повторяем: «Человек!.. Это — великолепно!.. Это звучит гордо!» Мы гордимся тем, что человек расщепил атомное ядро, поднялся в космос, построил огромные электростанции, может повернуть реки вспять.

Но при этом слово «Человек» иногда воспринимается чересчур отвлеченно. Вообще человек… Как будто ко мне лично это не имеет отношения. Я же сам не строил электростанции и в космос не поднимался. Между тем гордость человечества заключается не столько в великих стройках, но — в тебе. Самое значительное, что сделало человечество и в чем мы с тобой участвовали, — это то, что мы стали такими, какими мы есть.

Не помню, где читал я забавную историю о четырех портных с одной улицы. Чтобы привлечь клиентов, один из них повесил над своими дверями такую вывеску: «Лучший портной в городе». Второй решил перещеголять его и написал: «Лучший портной в стране». «Лучший портной в мире!» — объявил третий. Четвертый же посмотрел, посмотрел и заказал такую табличку: «Лучший портной на этой улице»…

Быть лучшими «на нашей улице» — в своем деле, в своей жизни иногда труднее, чем поворачивать реки вспять…

Заботиться о коллективе — это значит заботиться и о себе, о своем значении, о своем достоинстве.

Один мальчишка из Казани, Рустем Хабибуллин, сказал мне как-то:

— Если человек не научится уважать себя, он не будет уважать других…

Глубокая, интересная мысль. Ее можно распространить на многое.

Если ты не уважаешь себя, способен стерпеть унижение, ты, значит, вообще не имеешь представления о том, что значит уважать. И как же сумеешь ты с уважением относиться к другим?

Если ты серенький, неинтересный, малознающий человек, что ты дашь товарищам?

Иные люди охотно судят других за крупные и мелкие недостатки, особенно на сборах да на собраниях, лезут в чужие дела, горят, кипят, и только порой для одного человека не хватает у них заботы — для себя.

Это похоже на огородника, который вместо того, чтобы возделывать свой участок, бегает по соседям и всем «помогает»: там копнет пару раз, там подбодрит, там даст совет, как окучивать. А когда наступит зима, ходит по домам и просит: «Не одолжите ли ведерко картошки?»

Но, возможно, ты возразишь мне. Ты скажешь: «Это что же значит? Каждый должен заботиться только о себе? Каждый пусть делает, что ему захочется? Что же за жизнь тогда будет?»

Если ты так подумал, то сам, быть может не зная того, ты задал очень трудный вопрос, над которым уже давно размышляют люди.

Это одна из основных проблем науки о поведении человека. Такая наука называется «этика».

Замечательный американский писатель Эрнест Хемингуэй (он жил с 1899 по 1962 год) выбрал эпиграфом к одному своему роману такие поэтические слова:

«Нет такого человека, что был бы островом. Каждый — частица материка, часть целого.

Если чей-то прах будет смыт морем, то Европа уменьшится, словно это был ее мыс. Смерть любого человека отнимает частицу меня, ибо и я — частица человечества…

И потому никогда не посылай узнать, по ком звонит колокол: он звонит по тебе».

«…And therefore never send to know
for whom the bell tolls: it tolls for thee».

Джон Донн — английский поэт 17-го века.

И вправду: я ведь не сам по себе существую, и ты тоже. Мы с тобой совершенно не знаем друг друга. Наш разговор и во времени разорван. Сейчас, когда я пишу, серый рассвет августовского дождливого дня. Полчаса назад пришлось погасить

лампочку — свет из-за окна пробился сквозь задернутую на ночь штору; первая птица защелкала в высоком тополе у нашего дома. И первый автобус проурчал в переулке. И только что вздрогнул я оттого, что внезапно зазвучали в давнишней ночной тишине радиопозывные… Шесть утра. А когда ты будешь читать эти строчки, возможно, будет зима, вечер, совсем темно, и только эти странички будут высвечены настольной лампой… Мы с тобой разделены расстоянием, временем, «незнакомством» нашим. Казалось бы, каждый сам по себе. Но нет. Мы просто связаны друг с другом невидимыми связями, мы оба — часть целого, часть человечества. Ты и я. В этом наша с тобой гордость, но это же заставляет нас думать об очень важном долге. Ты, я, твой отец, моя мать, твои и мои товарищи, неизвестные встречные на улице и совсем незнакомые люди в других странах, на других континентах — мы все вместе несем одну, общую ответственность за людей, за человечество, за нашу жизнь. Я должен думать о тебе точно так же, как ты обо мне, хотя повторяю: ты меня не знаешь, в глаза никогда не видел.

И свое место в мире, свое отношение к людям, особенно к людям, непосредственно нас окружающим, мы с тобой должны определять, исходя вот из этого понимания общего долга.

Понимаешь ли, друг, это по сути одно и то же: заботиться о своем «я» и не давать этому «я» победить все другие заботы. Человек так устроен, что хуже всего ему приходится, когда он остается один или когда он думает только о себе, забывая о других.

А если его отношения с окружающими нарушены, возникают некоторые ненормальности в характере. Как будто нарушается обмен веществ.

Если человек слишком растворяется среди других, не умеет отстоять свое «я», то он никогда не научится мыслить и действовать самостоятельно, ему легко внушить любую, даже неверную мысль, он теряет свое лицо.

Если же он заботится только о том, чтобы ему было хорошо в ущерб другим, то он скоро превращается в неуживчивого, капризного, неприятного человека, с которым люди предпочитают не иметь дело, — в эгоиста.

А есть еще люди, которых называют эгоцентристами.

Вот что означает это слово: человек не то чтобы все для себя делает, хватает себе, подминая других. Нет. Он просто смотрит на всех так, будто он — сердцевина мира. Он связывает себя с каждым явлением, даже если оно его не касается, постоянно погружен в раздумья о своей личности. Интереснее всего ему тот разговор, в котором речь идет о нем, а когда о других говорят —

ему скучновато. Он весь сосредоточен на своих переживаниях настолько, что ему нет дела до переживаний других. Все люди делятся для него на две категории: на тех, кто кажется умнее его, и на тех, кто глупее. А он в центре. Вот это и есть эгоцентризм («эго» — значит «я») — некоторое преувеличение значения своей особы, но не столько в поступках, как у эгоиста, сколько в мыслях.

Эгоцентризм — обычно болезнь слабоватых людей, вынужденных постоянно отстаивать себя от всякого рода неприятностей и посягательств, хотя бы в мыслях отстаивать. Сильный человек чувствует себя уверенным и потому может реже думать о себе, чаще — о других. По этой причине эгоцентризм больше развит у ребят-подростков в трудную пору их жизни.

…Ты никогда не считал, скольких людей ты знаешь? Семья, родные, знакомые, дом, двор, улица, класс, школа, соседняя школа… Наверно, несколько сотен человек, если ты живешь в городе! С одними у тебя отношения простые: «Здравствуйте! Привет!» С другими — более сложные. Но все эти люди — и близкие, и далекие, и совсем незнакомые тебе — как-то входят в твою жизнь, и надо учиться точно находить свое место среди людей.

ПРО ТВОЕГО ДРУГА

Чему ты учишься у людей

Однажды я заметил на перроне в метро странного паренька. Он сидел на скамейке и быстро-быстро, ни на секунду не останавливаясь, бил ребром ладони по ребру маленького чемоданчика, стоявшего у него на коленях.

Люди с подозрением оглядывались на мальчишку: «Может, больной какой-нибудь? Может, рука у него сама дергается?»

Подошел поезд. Мальчишка не тронулся с места. Он по-прежнему бил ладонью по чемодану, как будто шинковал капусту. И лишь когда все вышли из вагона и двери вот-вот должны были закрыться, он поднялся, взял не торопясь свой чемоданчик и спокойно вошел в вагон. Нет, никакой он не больной! Прозвучала команда: «Готов!» — двери закрылись, и поезд пошел. Необычный пассажир осмотрел свою ладошку, потрогал ее — не появились ли мозоли — и вновь, ни на кого не глядя, принялся «рубить» свой чемоданчик.

Потом мы с ним разговорились. Его звали Миша Копылов. Миша был самый слабый в классе. Но он решил не отставать от друзей ни в чем. И вот каждый день, каждую свободную минуту Миша тренируется. Утром зарядку делает, подтягивается на дверном косяке. На переменах мнет в руках тугой резиновый мячик. Записался в легкоатлетическую секцию и в секцию плавания.

Когда мы с ним встретились, он ехал из бассейна и, чтобы в дороге не терять времени даром, делал особое упражнение — тренировал руки. Этому его ребята в отряде научили. Я чувствовал, что Мише жалко даже тех минут, которые он потратил на разговор со мной. Он был как одержимый.

А вот другая встреча, с другим мальчишкой. Только я его фамилию забыл. Мы с ним познакомились в 15-м ленинградском интернате. Если попадутся ему на глаза эти строчки и он напишет мне письмо, я буду очень рад.

Этот семиклассник сказал мне:

«Знаете, я неправильно прожил свою жизнь. Другие ребята в четырнадцать лет уже настоящие приемники собирают или там спортивные разряды получают. А как я жил? Приду из школы, брошу папку с книгами — и на улицу… А вот попал я в интернат, увидел настоящих ребят и теперь спохватился. Книжку достал, буду делать телескоп. Астрономия — это самая интересная наука».

Мне кажется, у этих двух ребят есть много общего. Во-первых, и у того и у другого хорошие товарищи. А во-вторых, оба они

умеют брать у своих друзей все самое лучшее.

Твоя жизнь проходит среди людей, среди товарищей. У них ты незаметно для себя перенимаешь что-то хорошее и что-то плохое.

А ты умеешь отличать в людях хорошее от плохого? Это очень нужно, чтобы выработать настоящий характер.

Есть такое не совсем понятное явление — мода. Например, одно время считалось: чем шире брюки, тем красивее. А сейчас на эти широченные брючины смешно смотреть. Теперь мода другая. И то, что раньше казалось естественным, теперь выглядит нелепо.

Но мода бывает не только на одежду или на портфели, на папки или чемоданчики. «Мода» бывает и на дела, и даже — на образ жизни.

Два соседних класса: 7-й «А» и 7-й «Б». В 7-м «А» считается модным не выучить урок, нагрубить учителю, прогулять.

В 7-м «Б» таких презирают. Там за доблесть считают решить самую трудную задачку, отвечая урок — вспомнить материал, который проходили еще в прошлой четверти, а над бездельниками смеются, считают их просто тупицами.

Есть ребята, которые очень легко поддаются всякой моде, всякому влиянию.

Мол, Петька прогуливает — и я прогуляю. Буду как все.

Когда я учился, у нас одно время хорошим тоном считалось уроки готовить кое-как, лишь бы не выгнали из школы. А потом появился в классе Валька Коровкин.

Он был не такой, как все. Все старались прифрантиться, а Валька мог явиться в школу в расстегнутой майке-футболке (школьной формы тогда еще не было). Все на переменках собирались группками, в хорошую погоду бежали во двор играть в «отмерялы», а Валька торчал где-нибудь в углу с книжкой, где на каждой странице — радиосхемы.

Сначала над ним все посмеивались. А он и внимания не обращал. Ему было безразлично, что о нем подумают да что скажут. Валька был техником-фанатиком, как его кто-то назвал. Когда к нему ни придешь, он что-то паяет, клеит, полирует… Если его нет дома, значит, он на станции юных техников или бегает по радиомагазинам — достает разные детали. И вот не знаю, мы ли стали взрослее и умнее или Валька поразил нас своей независимостью, но только скоро ему стали завидовать. Он ходил уже не в «чудаках», а в героях. Потянулись ребята за Коровкиным на станцию юных техников. Пошли в классе совсем другие разговоры, начались другие дела. Незаметно изменились и наши представления о настоящих людях. Теперь идеалом был не Юрка Морошкин (завитые волосы, нахальный взгляд,

хвастливые рассказы о победах над девочками), а один паренек из 9-го класса, скромница и тихоня. На станции юных техников он строил высокочастотную дорогу, и специально для его модели был куплен огромный трансформатор, к которому никого, кроме этого паренька, не подпускали.

Пришла в класс другая «мода»…

И кто знает, не появись Валька Коровкин, не угадай мы в нем самого интересного человека, не установись у нас хорошая «мода» на технику, — насколько беднее были бы мы сейчас!

Есть ли у тебя друг?

Если тебе не с кем поделиться радостью, радость меркнет. Если тебе некому рассказать о беде, беда становится в три раза тяжелее. Бродишь как неприкаянный, и тебе никто не мил, и ты никому не нужен…

Плохо жить без друга.

Ты, быть может, замечал: у одних ребят друзей очень много, чуть ли не пол-отряда, а другие с трудом сближаются с товарищами.

Это оттого, что одни общительны, могут рассказать обо всем, что с ними происходит, даже малознакомым. Другие замкнуты, им нелегко открыть душу даже близким людям. Тут уж почти ничего не поделаешь. И еще неизвестно, кто из них лучше. Но можно сказать точно: настоящие друзья бывают только у хороших людей.

Дело в том, что дружить умеет не каждый.

Я знал одного несчастного человека, у которого никогда не было настоящего друга. В классе, где он учился, ребята разбились на группки. Так часто бывает. Точнее, группка была одна — этакое «высшее общество». Человек пять мальчишек и девчонок одевались помоднее, держались вместе, вместе ходили на танцы и были у них свои шуточки, свои разговоры. А других они презирали.

Остальные ребята, в свою очередь, тоже презирали это «высшее общество».

И только Витька Пермитин то около одних увивается, то с другими водится. Не выходит у него пример по алгебре — сразу звонит одному хорошему пареньку: «Ну, как дела? Пойдем погуляем, а? Кстати, ты алгебру сделал? Захвати с собой, ладно?»

Но на следующий день появляется в школе — ну увиваться вокруг тех пятерых, ну посмеиваться их шуточкам, подлаживаться к ним! А товарища своего, у которого еще вчера помощи просил, и не замечает.

Пермитин вырос. Он и сейчас такой же. Только о себе думает. Начнешь с ним говорить, а он сразу переведет разговор на себя, на всякие свои истории и всегда постарается прикинуться несчастненьким, чтобы его пожалели.

Его и вправду жалеют. С ним многие знакомы, но настоящего друга у Пермитина никогда не было. А он этого не замечает. Он думает, что умеет дружить, как и все люди. Пермитин считает: если прошелся с человеком по улице — значит, он ему товарищ. Завтра с другим пойдет — тоже товарищ.

А ведь в дружбе главное — верность.

У кого верное сердце, тот всегда найдет себе хорошего друга. Любые недостатки можно простить товарищу. Но неверность, предательство простить невозможно. Друг перестает быть другом, если он не предан тебе и ты ему не предан.

Если ты хочешь научиться быть верным, то прежде всего постарайся стать внимательным к другу и вообще ко всем вокруг. Знаешь, есть такие люди, которых все любят. Со мной в одном пионерском лагере работала Елена Николаевна Мурашова. Это удивительный человек. У Елены Николаевны очень много настоящих друзей. Когда лагерь закрывается, ребята и вожатые ездят к Елене Николаевне домой — просто так, посидеть, поговорить.

Я все думал: «В чем тут секрет?» А потом понял: просто Елена Николаевна очень внимательна ко всем. Что бы у меня ни случилось — горе или радость, — мне всегда хочется скорей рассказать об этом Елене Николаевне, потому что она не просто выслушает, а порадуется или огорчится вместе со мной. А если нужно — поможет. Она умеет любить людей, и люди ее любят.

С тобой бывало, наверно, так: начнет кто-нибудь о себе говорить, а тебе и слушать не хочется; тебе не терпится, чтобы быстрее узнали про твои дела — они тебя больше занимают.

Хочешь быть другом — научись отодвигать свои дела в сторону. Жизнь друга, его переживания, его удачи — это для тебя самое важное. И если ты вот так настроишься, то сразу друг станет тебе дороже, и не будет у вас мелких, глупых ссор, и — вот увидишь! — друг твой будет платить тебе той же внимательностью, чуткостью, верностью.

У туристов есть чудесный закон: «Если тебе трудно — помоги товарищу, и тебе станет легче».

Многие ребята спрашивают: «Как найти друга?» Некоторые считают, что достаточно написать записку, дескать, давай дружить, и все будет в порядке. Но это, конечно, ерунда. Если ты будешь внимателен ко всем, с кем встречаешься в жизни, у тебя обязательно будет друг, и не один, вот увидишь.

Иногда, конечно, бывает, что дружба складывается сама собой. Сидят люди на одной парте, идут домой одной дорогой — и вот друзья. А бывает, что за дружбу приходится и повоевать. Может, в чем-то гордостью поступиться, может, и обиду стерпеть, и поссориться не раз, пока друг не станет тебе как родной человек, и даже ближе родного.

Присматривайся к ребятам в классе, во дворе — ко всем, с кем сталкивает тебя жизнь. Ни про кого не думай, будто он не достоин твоей дружбы.

Есть ребята «видные», заметные. К ним всегда тянутся другие. Многие мечтают подружиться с ними. Но самый компанейский, шумный, привлекательный — не всегда самый верный и чуткий. Посмотри на тех, кто поскромнее. Среди них чаще встречаются ребята, которые умеют дружить по-настоящему.

Бывает, что тебе хотелось бы дружить с кем-нибудь, да боишься быть навязчивым. Этому не хочешь «навязываться», другому, глядишь — и тебя самого стали считать гордецом. А лучше быть попроще, не думать о том, что кто-то кому-то навязывается.

Спрашивают ребята и о том, можно ли дружить мальчику с девочкой.

По-моему, другом может быть и мальчик, и девочка, и мама, и любой взрослый человек. Лишь бы это был человек надежный и верный.

Послушай историю о двух очень верных ребятах, мальчике и девочке. Как и все истории в этой книжке, она не выдумана.

«А про меня ты подумал?»

Сначала речь пойдет о самой обыкновенной картошке, потому что именно с нее все и началось.

Послали ребят на кухню чистить картошку. Небольшое, конечно, удовольствие начистить такой здоровый бак. Кажется, он прямо бездонный. Целый вечер тут проторчишь.

Юрка привык работать молча. Отчим приучил. Отчим всегда молчит, и Юрка молчит. Да к тому же Юрка не очень хорошо чувствует себя с ребятами. Он почти на два года старше их. Ему бы уже в восьмом классе учиться, да вот так вышло — сидит в шестом. Год не учился, год на лесопилке работал — хотел матери помочь, когда отчим уходил из дому. Потом отчим вернулся, и Юрка сам устроил себя в интернат. Когда перед началом учебного года объявили родительское собрание, Юрка пошел на него. Сидел, молчал, слушал. Не прогнали — думали, чей-то брат.

…В кухню прислали на подмогу восьмиклассниц. Юрка уступил половину старого ящика, на котором сидел, какой-то девчонке. Даже не посмотрел на нее, не перестал скоблить начатую картофелину. Просто подвинулся на самый край ящика.

Так и работали. Время от времени перед Юркой мелькала рука. Это его соседка бросала картофелину в бак. Юрке хотелось оглянуться, посмотреть на девочку, но он не решался.

Наконец в баке над водой поднялась горка белой картошки. Все встали, и тут Юрка и Люда встретились взглядами. Люда улыбнулась. И Юрке показалось, будто они заключили между собой какой-то тайный уговор. О чем они уговорились, он не знал, но почему-то стало тревожно и радостно. Весь вечер — и когда Юрка стирал под краном фартук, и когда пытался что-то читать, и даже потом, когда лег спать и долго лежал на спине, заложив руки под голову, — он все думал об этой девочке. Ее звали Люда Клименко. Собственно говоря, думать ему было совсем не о чем. Он просто помнил о ней, помнил про их тайный уговор. И знал, что теперь он в интернате не одинок.

Так шли дни. В интернате много народу — шестьсот человек, — и, если двое учатся в разных классах, на разных этажах, встретиться не так легко. Только в столовой Юрка каждый раз оборачивался, чтобы посмотреть на Люду и убедиться, что их тайный уговор не нарушен.

В субботу Юрка, как всегда, собирался домой. Сложил в старенький чемоданчик кое-какие вещи, чтобы постирать дома, и отправился с ребятами, попутчиками, к полустанку. Ему всегда

поручали проводить двух мальчишек из 4-го «Б».

Всю дорогу Юрка рассказывал, как они с отчимом собирали старые трубы, чистили их, резали, красили и сделали большую железную кровать — лучше фабричной получилась!

Так с разговорами незаметно поднялись на горку. Вон и станция. Юрка сразу увидел: недалеко от серой старой будки, где продают билеты, стоит Люда.

— Юрик, а как вы их сваривали, эти трубы? — спросил один из мальчишек.

Но Юрка не ответил. Он неловко поставил чемоданчик у кассы, неловко достал деньги, неловко взял билеты — ему казалось, что кругом все замерло и стихло и тысячи человек пристально следят за каждым его движением. Юрка оглянулся — Люда действительно смотрела прямо на него. Юрка отвел глаза и стоял, стараясь держаться так же прямо и спокойно, как Люда. Четвероклассники, видно, тоже почувствовали, что происходит что-то значительное, потому что и они вдруг смолкли.

В двадцать сорок пять, точно по расписанию, сразу с двух сторон показались поезда. На полустанке стало шумно и многолюдно. Ребята уже перешли через пути. Люда осталась у кассы. «Значит, ей в другую сторону», — подумал Юрка. Мальчики забрались в вагон, и Юрка сразу подошел к окну. Он старался угадать, где Люда. Ее поезд тронулся раньше и стал быстро набирать скорость. Вагоны пробегали мимо, а Люды не было. Юрке казалось, что если он не увидит ее, то произойдет что-то непоправимое.

Но в последнем вагоне, у последнего окна рама была опущена, и Юрка увидел Люду. Она тоже увидела Юрку и выглядывавших из-за его спины ребят и помахала им рукой.

…В следующую субботу Юрка со своими постоянными попутчиками подождал Люду у ворот интерната, и они пошли на полустанок вместе и вместе ждали поезда. В одной руке Юрка держал свой чемоданчик, в другой — Людин портфель. Когда поезда разъезжались, ребята опять помахали друг другу, а Люда даже что-то кричала, только не слышно что.

И вскоре весь 6-й «Б», где учился Юрка, и весь 8-й «А», где училась Люда, а потом все шестые классы и все восьмые обсуждали важную новость: Юрка и Люда влюблены. В интернате, где шестьсот человек, скрыть ничего нельзя. Даже если это касается только двух людей.

Было всякое. Над Юркой пытались подшутить. Но оказалось, что это совсем неинтересно. На остроты Юрка не обращал внимания, а когда видел Люду, то подходил к ней на глазах у

всего интерната.

А тут еще устроили собрание и Юрку выбрали председателем учкома.

Сразу появилось много дел. То старшеклассники вместе сажают деревья во дворе. То, нарядившись в только что выданную пионерскую форму, ходили на ТЭЦ договариваться об экскурсии. Оказывается, совсем не одиноко в интернате. Пожалуй, среди шестисот человек даже легче найти друзей.

Мальчики из 6-го «Б» больше не подшучивали над Юркой. А девочки даже немножко гордились, что у них в классе такой необыкновенный человек и что он дружит с самой красивой, по их мнению, восьмиклассницей.

Я уже рассказывал, что до интерната Юрка целых два года не учился. Раньше он вообще собирался бросить школу и устроиться на работу. Потом когда-нибудь доучится. Но, хотя на лесопилке все о нем заботились и старались дать работу полегче, хотя очень приятно было получать свои деньги и покупать гостинцы матери и сестренке, хотя он мог, например, как рабочий человек, настоять на покупке радиолы «Дайны», все равно захотелось учиться. Поэтому Юрка так радовался, когда удалось устроиться в интернат.

Но все оказалось гораздо сложнее, чем он думал. Двухлетний перерыв — не шутка. Не давался русский, не давалась математика; засидится над задачкой — не выучит географию… А двойки получать стыдно: самый большой в классе и еще председатель учкома. Когда выбрали, завуч Лидия Константиновна сказала:

— Ну, мы на тебя, Юра, надеемся. Тебе теперь плохо учиться нельзя.

Юрка и сам надеялся. Что он, тупица, что ли? И все равно — двойки.

Юра старался ответить получше, но у доски очень волновался и от этого порой не мог связать двух слов. В интернате, как часто бывает в первые месяцы, многие ребята учились плохо, учителя сердились, нервничали, и Юрке доставалось больше всех.

Получалась какая-то двойная жизнь. Утром, до уроков, он ходил по интернату с санкомиссией, строго проверял, чисто ли в спальнях, выглядел строгим, и все его уважали и побаивались.

Звенел звонок — и начиналась пытка. Сидит большой, неловкий, стараясь вжаться в парту, стать незаметным, и с тоской думает: только бы не вызвали, только бы не вызвали!

Сам себе Юрка казался жалким и противным. Не по нему такая трусливая жизнь. Решил: «Надо уходить отсюда. Не вышло с

учебой — пойду работать. И Люда перестанет презирать меня».

Так думал Юрка. Он не знал, что Люда даже плакала не раз, а как помочь ему, не могла придумать.

Однажды на уроке истории Юрка опять получил двойку. Учитель долго стыдил его, а потом сказал:

— Усы уже растут, жених!

Может, он это просто так сказал, а может, намекнул на Люду…

На следующий урок Юрка не пришел. На ужин — тоже. В столовой. Люда все время тревожно оглядывалась. Потом не выдержала, подошла к воспитателю:

— Василий Григорьевич, почему нет Юры Петренко? Надо его найти.

Василий Григорьевич удивленно посмотрел на нее и велел сесть на место.

— Если все шестьсот человек начнут вскакивать и ходить по столовой, что же тогда получится? — строго спросил он.

Ужин кончился. Юрки все не было. Нетронутая порция одиноко стояла на убранном столе.

Люда опять подошла к воспитателю. Он разговаривал с завучем.

— Простите, пожалуйста, надо послать за Петренко, найти его. Может, что-нибудь случилось?

— Не мешай, когда взрослые разговаривают! Найдется твой Юра, — ответил Василий Григорьевич.

Он был еще только из института и думал, что главное — это привить детям хорошие манеры.

Люда отошла, но за спиной она услышала встревоженный голос завуча Лидии Константиновны. Она расспрашивала воспитателя, где мог быть Юра.

Люда обегала весь интернат — Юрки никто не видел. Значит…

«Ужин начался в семь, — подсчитала Люда, — сейчас, наверно, уже восемь. Если бегом, можно успеть».

В интернате был закон: с территории без спросу — никуда. Но спрашивать было некогда, да никто и не отпустил бы Люду.

Бегом бросилась девочка за ворота по сырой и скользкой тропинке. А когда, запыхавшись, поднялась в горку, то увидела у полустанка красные огоньки расходившихся поездов. Юрка стоял с чемоданчиком в руке у старой будки, где продают билеты.

— А про меня ты подумал? — тихо спросила Люда.

— Подумал. Видишь — не уехал. Мы с тобой выкарабкаемся, правда?

— Конечно, — сказала Люда.

Вот и вся история про Люду и про Юрку, которыми гордились все шестые и все восьмые классы интерната.

Валерка из аэропорта

А вот еще одна история — про друзей никудышных. Была уже середина сентября, но в Ташкенте и в сентябре жара. Наш «ТУ-104» подрулил к огромному зданию Ташкентского аэропорта ранним утром в воскресенье.

Через два часа мне надо было садиться в другой самолет и лететь дальше. Вот за эти два часа я и познакомился сначала с Валеркой Макеевым, а потом с одним из его друзей.

Босой, в серых штанах, белобрысый Валерка бродил по аэропорту. Рубашка на Валерке казалась недавно выстиранной, но, несмотря на это, по ней шли странные рыжие разводы.

— Сам стирал? — спросил я Валерку.

— Са-ам, — застенчиво протянул он, оглядывая рубашку. — А что?

— Оно и видно.

— В арыке стирал.

— Молодец.

Так мы познакомились и я узнал, что моему новому знакомому почти десять лет, что живет он с мамой «во-он там» (Валерка показал рукой на маленькие домики, которые теснились на краю летного поля) и что он, Валерка Макеев, «Валерка из аэропорта», как его называют товарищи, несмотря на свой солидный возраст, еще не учится. Он никогда в жизни не держал в руках ни букваря, ни тетрадки, не макал перо в чернильницу-непроливайку, не чертил палочки и кружочки на трех косых линейках, не считал, сколько будет, «если к десяти прибавить два».

Сначала я подумал, что Валерка врет. Так, прикидывается дурачком. Бывают такие ребята — выдумщики. В одну минуту они наговорят вам с три короба про свою «ужасную жизнь», и не для какой-нибудь особой цели, а просто так, ради интереса. Где это видано, чтобы человеку было почти десять лет, а он еще в школу не ходит?!

Но потом выяснилось, что мальчишка действительно не учится.

Валерка, как я уже говорил, живет с мамой. Мама его очень больна.

— Вырасту — доктором стану и мамку вылечу, — сказал мне Валерка.

— Как же ты станешь врачом, если в школу не ходишь? На врача знаешь сколько учиться надо?

Валерка сначала ничего не ответил. А потом, поводив по

пыли черной от грязи ногой, вспомнил:

— А я уже некоторые буквы выучил: а, б, в, г, д, е…

И я понял, как ему хочется учиться. Но что делать? Мама не пускает его в школу, она не хочет оставаться дома одна. Да Валерка и сам боится уходить надолго.

— А вдруг мамка помрет без меня?

Вот какая трудная жизнь получилась у Валерки. Но нельзя же оставлять человека в беде. Как назло, было воскресенье и школа, та самая, куда Валерка должен по утрам бегать с портфелем в руках, закрыта… А время идет. Вот-вот диктор объявит на двух языках — узбекском и русском, — что самолет отправляется.

И я подумал: ведь есть же у Валерки товарищи! Среди них наверняка есть пионеры! Они обязаны помогать, они помогут человеку.

Леня Дмитриенко появился, как нарочно, как будто знал, что мне нужен кто-нибудь из Валеркиных друзей. Леня живет далеко от аэропорта, но почти каждый день приходит сюда, и Валерка проводит его тайными дорогами на летное поле, к самолетам, куда не то что детям — посторонним взрослым вход запрещен. Мы познакомились, и я сразу спросил Леню, знает ли он о Валеркиной беде.

Оказалось, что этот самый Леня Дмитриенко, семиклассник, даже не знал, что Валерка не ходит в школу.

— Как же это? — удивился я.

— Так ведь я не здесь живу. Я сюда только иногда прихожу, — спокойно объяснил Леня.

Очень хороший пионер Леня Дмитриенко. Он подробно рассказал мне, какая у них школа, и как он занимается в авиамодельном кружке, и как интересно работает у них пионерский патруль.

Честно говоря, я очень рассердился.

— Какой ты, — говорю, — пионер и что толку в твоих патрулях, если вот человек не учится, а ты и не знаешь?

— А если б знал — что же я мог сделать?!

— Как — что? Сходить в школу, где должен учиться Валерка, пойти к комсомольцам аэропорта, к начальнику аэропорта, рассказать им про Валерку, попросить, чтоб помогли ему.

Леня помолчал, а потом сказал:

— Хочешь, Валерка, я тебя французскому языку буду учить?

Ну что ты с ним будешь делать?! К чему Валерке сейчас французский, если он и по-русски-то слова прочитать не может, фамилии своей никогда в жизни не писал!

…Мы договорились с Леней и с комсомолками аэропорта, что они завтра же, в понедельник, определят Валерия Макеева в

школу, помогут ему и его маме устроить свою жизнь так, чтобы мальчик начал учиться.

Надо помогать товарищу в беде — этот закон все знают. И все-таки иногда случается, что человек остается один на один с бедой. А друзья? Тот готов помочь, да не знает как. У другого недостает мужества вступиться за обиженного. У третьего не хватает настойчивости.

Но потому беда и зовется бедой, что с ней не сразу справишься. Надо стучаться во все двери, требовать, доказывать. Конечно, боязно. Вдруг не пустят? Вдруг прогонят? Вдруг скажут: «А тебе какое дело?»

Но раз товарищ в беде, ты не можешь струсить, отступить. Надо добиваться своего!

Любит… не любит…

Говоришь, ты научился танцевать? От души поздравляю! Это очень важное в жизни умение, и оно наверняка далось тебе нелегко. С тех пор как ваш класс стали приглашать на школьные вечера, сколько было всяких мучений! Сидишь на стуле в углу, и кажется, что ноги у тебя чугунные и весь ты какой-то неповоротливый. И даже страшно подумать — как это танцевать на виду у всех!

Все-таки ты набрался решимости и записался в кружок танцев. А может быть, помогла сестра? Или в классе на переменке научили тебя этой нехитрой науке? Как бы там ни было, теперь все позади. Ты смело выходишь на середину зала, отсчитываешь начало такта, танцуешь — и как будто получается! Даже перестал все время повторять про себя «раз-два-три-четыре» — ноги сами идут!

Очень здорово.

И все-таки сколько переживаний на этих вечерах!

Только ты собрался перейти на ту сторону зала и пригласить Наташу из 7-го «А», а Генка Вереин уже кружит ее, что-то рассказывает ей, и она весело смеется… А ты двух слов связать не можешь, когда надо поговорить с девочками.

Смотришь ты на эту веселую пару, а в голове мысли совсем не веселые.

«Может, меня никто в жизни и не полюбит? — терзаешься ты. — Какой-то я некрасивый, нескладный, и руки длинные. Модного костюма, как у других, нет. Только серая школьная гимнастерка да старенькие брюки — их хоть гладь, хоть не гладь».

А Генка — смотри! — куда-то повел Наташу. Наверно, гулять. Интересно, если бы ты ее пригласил, пошла бы она или нет? Или сказала бы: «Знаешь, мне потанцевать хочется».

«Ну и пусть, — думаешь ты. — В конце концов, девочки — это совсем не главное в жизни. Даже глупо тратить время, ходить на вечера и волноваться из-за какой-то Наташки».

Ты твердо решаешь больше и не смотреть в ее сторону, а сам невольно стараешься угадать, где сейчас Наташа и Генка.

«Наверно, уже далеко они ушли. А может, он ее под руку взял? Говорят, кто-то видел Наташку под руку с мальчишкой. Врут. Не может быть! Наташа никогда не пойдет под руку ни с Генкой, ни с другим мальчишкой. Она, наверно, назло пошла с ним гулять, потому что я ее не позвал.

Может, письмо ей написать? Глупо как-то — письма писать,

как в пятом классе: „Наташа, давай дружить…“ А она ответит: „А разве мы с тобой и так не дружим?“ Девчонки хитрые: прикинутся, будто ни о чем не догадываются. Им в радость помучить человека…»

Я понимаю, тебе сейчас очень тяжело. И главное, ничем тебе не поможешь, и никто в мире не поможет, кроме тебя самого.

Просто давай мы наберемся с тобой терпения и не будем завидовать этому Генке. Тебе кажется, что, для того чтобы на тебя обратили внимание, надо обязательно быть остроумным, хорошо одетым и иметь эдакие несколько «стильные» манеры. Но придет время, и ты увидишь, что вовсе не такие нравятся и не такие находят настоящих подруг. Девчонки любят мужественных, смелых, умных, решительных — не на словах решительных, а в жизни, в поступках. Они любят как раз таких, каким ты собираешься стать.

Кто он, мальчишка Санька?

У меня предложение: откроем толстый, потрепанный оттого, что его часто листают, однотомник Гайдара и вместе почитаем страничку из рассказа «Голубая чашка». Он был написан в 1936 году. Пионер Пашка Букамашкин рассказывает Светлане и ее папе про «известного фашиста, белогвардейца Саньку».

«— …Есть в Германии город Дрезден, — спокойно сказал Пашка, — и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и еще один из поселка. Берта бьет палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли…

— Прямо по макушке стукнула, — сказал Санька из-за телеги. — У меня голова загудела, а она еще смеется.

— Ну вот, — продолжал Пашка, — стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на нее с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове — и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмет нашагнет лишний шаг да и метит чижом прямо на кон.

— Врешь, врешь! — выскочил из-за телеги Санька. — Это твоя собака мордой ткнула, вот он, чиж, и подкатился.

— А ты не с собакой играешь, а с нами.

Взял бы да и положил чижа на место. Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву неохота… Перелез через забор и орет оттуда: „Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!“ А Берта дуру по-русски уже хорошо понимает, а жидовку еще не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: „Это что такое жидовка?“ А мне и сказать совестно. Я кричу: „Замолчи, Санька!“ А он нарочно все громче и громче кричит. Я — за ним через забор. Он — в кусты. Так и скрылся. Вернулся я — гляжу: палка валяется на траве, а Берта сидит в углу на бревнах. Я зову: „Берта!“ Она не отвечает. Подошел я — вижу, на глазах у нее слезы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: „Ну погоди, проклятый Санька! Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!“

Вот какая история. Маленькая Светлана и ее папа подумали: „Даже слушать противно“. Потом Светлане все-таки стало жаль

Саньку, которого все хотят выдрать, и она сказала:

„А может быть, он вовсе и не такой фашист? Может быть, он просто дурак?“

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего».

Конечно, маленькая Светлана права: никакой Санька не фашист, а просто дурак. Просто он повторяет чужие обидные слова, не понимая как следует их смысла.

Однажды во время зимних каникул я был в туристском лагере в Пиршагах — это такое место на берегу Каспийского моря, неподалеку от Баку. Лагерь был короткий, всего пять дней. Сто пионеров из разных дружин учились в этом лагере туристским премудростям, гуляли, собирали на берегу моря раков и потом варили их на костре. По ночам — хоть и Баку, но все-таки январь! — в палатках было холодновато. Поэтому мы чуть ли не до утра сидели у костра и разговаривали обо всем на свете. Чудесный был лагерь, чудесные там были ребята. И вот о чем однажды говорили мы ночью у костра.

Живут вместе в одной палатке армянский пионер, пионер-азербайджанец, русский пионер. Всего каких-нибудь три дня, как познакомились, а уже друзья.

А разве раньше, до революции, это было возможно? В то время рабочие боролись за свои права, за свою рабочую власть. И вот капиталисты, чтобы отвлечь народ от борьбы, натравливали людей разных национальностей друг на друга. Армян — на азербайджанцев, азербайджанцев — на армян. На одной улице убили азербайджанца и пустили слух, что это сделали армяне. А на другой улице убили армянина и стали говорить, что это сделали азербайджанцы. И вот началась резня. Не щадили ни стариков, ни детей.

И фашисты используют тот же прием. Гитлер, например, доказывал, что немцы, арийцы, — «высшая» раса, что у них особые способности, особая, «благородная» кровь и потому арийцы должны править миром. А людей «низших» рас можно и нужно уничтожить…

В нашей Советской стране люди всех национальностей равны между собой. И если деды нынешних ребят, армян и азербайджанцев, с ножами нападали друг на друга, то теперь отцы их работают вместе, а сами ребята, как лучшие друзья, сидят вокруг одного костра, и истории далеких времен кажутся им странными и непонятными.

Каждый человек любит свою нацию. Русский гордится тем, что он русский, украинец — тем, что он украинец, эстонец — тем,

что он эстонец. И это замечательно. Но одно дело — гордиться, другое — зазнаваться. Мы все любим гордых людей, а зазнаек не терпим. Тот человек, который считает, что люди какой-нибудь другой национальности недостаточно хороши, чтобы уважать их, как раз и выглядит зазнайкой, если не хуже.

Нет-нет да и услышишь, как один мальчишка обзывает мальчишку другой национальности противной, обидной кличкой. Нет-нет да и встретится какой-нибудь Санька, который может так обидеть человека, что уж лучше бы ударил — и то было бы легче.

…Мы начали этот наш разговор чтением рассказа Аркадия Гайдара. Давай в заключение почитаем вместе еще одну страничку — из письма Надежды Константиновны Крупской к ребятам.

«Мой отец был революционер. Он хотел, чтобы я дружила с ребятами других национальностей. Когда мне было лет пять, мы жили в Варшаве. И вот я играла во дворе с ребятами польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело. Мы угощали друг друга, чем могли… Потом я жила в Полтавской губернии, в деревне, играла там с деревенскими ребятами украинцами, научилась говорить по-украински, мне очень нравились украинские песни, украинские цветущие деревья…

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был директором народных училищ в Симбирске. Он всегда очень заботливо относился к детям других национальностей — мордвинов, чувашей и др. Владимир Ильич видел это, это ему нравилось, и в старшем классе гимназии целый год занимался он с товарищем — чувашем Огородниковым, помогал ему подготовиться в высшую школу и помог — тот сдал очень хорошо экзамен.

Я крепко надеюсь, ребята, — пишет в заключение Надежда Константиновна, — что вы, какой бы национальности ни были, будете дружить друг с другом, помогать друг другу в учебе, в выработке характера, в умении работать и станете и на этом фронте настоящими ленинцами».

Пожалуй, к этим словам нечего прибавить. Давай запомним: настоящие ленинцы уважают всех людей, какой бы национальности они ни были.

Два Бориса

Этот случаи произошел в московской школе, в 7-м классе. Два Бориса — Борис Махов и Борис Калинкин — как-то повздорили между собой. Потом они и сами не могли вспомнить, что же между ними вышло. То ли Махов толкнул Калинкина, когда на физику шли, то ли Калинкин приставал к Махову и дразнил его «козявкой» — Боря Махов не вышел ростом. Но дело не в этом. После уроков Борис Махов подошел к своему дружку Киму Наумову и сказал:

— Знаешь, этот Калинкин задается. Калинкин был новичком в их классе. Его знали еще плохо, но никогда никто не замечал, чтоб он заносился. Махов же сам, бывало, привяжется к кому-нибудь, а когда получит сдачи, начинает ныть. Есть такие мальчишки — маленькие, но вредные.

Все это Ким мог бы сообразить в одну минуту. Но Ким не стал раздумывать. Во всей этой истории он увидел одно: «Наших задели».

«Нашим» он считал Махова только потому, что уже давно учился вместе с ним. А Калинкина — «не нашим». Ведь тот был новичком.

Есть такие странные законы у иных мальчишек. Считается: если двое дерутся, третий не мешай. А если пятеро собрались бить одного, так это чуть ли не в порядке вещей.

Когда мы хоть немножко вырастаем, начинают действовать другие законы. Уже в седьмом-восьмом классе никто по пустякам в драку не полезет. Стыдно.

Ким знал и те законы и другие и самым поразительным образом соединил их. Он и пальцем не тронул Калинкина. Что вы, как можно!

Он сказал:

— Ладно, я скажу своим.

Вечером он пошел к известному во всей округе хулигану Гришке Гречневу, по прозвищу «Гречиха», и подговорил его избить Бориса Калинкина. И еще предупредил: «Приходи не один», потому что знал: Калинкин сумеет постоять за себя.

Гречиха с удовольствием принял «приглашение», хотя совсем не знал Калинкина.

Однажды вечером, когда Калинкин возвращался из школы, на него напало сразу пятеро. Рослый и сильный, Борис успел здорово «двинуть» кому-то. За это через неделю его вновь избили. Теперь у Гречихи был «законный» повод. Избили и предупредили: «Молчи, а то хуже будет». Но Борис не стал молчать. Он пошел и

заявил в милицию. За это его избили в третий раз, так, что он чуть в больницу не попал.

Так он и воевал один с целой шайкой, а друзья его, те самые, которые накликали на него беду, стояли в сторонке и даже втихомолку осуждали Калинкина: чего он, в самом деле, шум поднимает? Промолчал, от него и отстали бы…

Вот какая история вышла. Потом, когда милиция взялась за Гречиху, тот сразу свалил все на Кима Наумова — дескать, это он подучил. Все открылось.

Недавно мне рассказывала одна девчонка: она возвращалась поздно вечером домой из кино, и в ее же собственном парадном пристали к ней каких-то два пьяных парня. Она убежала. Вышла со двора на улицу, а что делать — не знает. Никак домой не попадешь, хоть плачь!

Подходит к ней незнакомый паренек, спрашивает:

— Девушка, я вас, кажется, знаю, вы из этого двора. С вами что-то случилось?

Она рассказала.

— Пойдемте, я вас провожу.

Пошли.

— По-моему, они из дома шесть, — сказала девушка про пьяных.

И вдруг провожатый остановился.

— Простите, — вежливо сказал он, — в таком случае я ничего не могу сделать.

Повернулся — и ушел.

Я даже не поверил этому рассказу:

— Так прямо и сказал?

— Ну да.

— И ушел?

— Ушел.

С ребятами из дома шесть тот вежливый парень воевать не мог. «Свои»…

Мне кажется, человек должен быть выше «наших» и «не наших», даже если речь идет о самых близких его друзьях.

Он должен быть за справедливость.

Согласен?

ПРО ТВОЮ ЖИЗНЬ

Что человек может

Что человек может? — такой вопрос прочитал я недавно в одном журнале. Дальше автор статьи рассказывал, что же человек на самом деле может: полететь в космос, создать материал, которого нет в природе, заставить биться остановившееся сердце.

И вправду — человек все может, до всего добирается.

Но одной простой, на первый взгляд, вещи человеку пока что не удается добиться: чтоб все-все люди на земле были счастливы. Ну хотя бы просто жили в достатке.

Далеко ходить за примером не надо: быть может, и твоя семья живет еще трудно. Мать по утрам вздыхает — до получки еще несколько дней, а денег почти не осталось. Тебе хотелось бы велосипед, но сначала надо купить пальто сестренке. Комната у вас маленькая, и когда братишка ставит на ночь свою раскладушку, то просто пройти негде. И оттого, что тесно и все друг у друга вертятся под ногами, вы, бывает, ссоритесь, и мать сердится на тебя ни за что ни про что.

Или еще странное явление: людей хороших очень много, но встречаются и всякие подлецы, бюрократы. Немало несправедливости. Почему это? Отчего? Отчего в нашей Советской стране, где всё для трудящихся, есть люди, которым живется еще нелегко, а есть и такие, которые воруют у государства, живут в роскоши?

Ты наверняка задумывался над этим. Спорил с товарищами. Ответы найти не всегда просто.

Не знаю, приходилось ли тебе участвовать в пионерских сборах «Два мира — два детства». По этим сборам иногда получается, что на долю ребят в капиталистических странах выпадают борьба, тревоги, сражение, а у нас с тобой только безмятежная жизнь.

А ведь, пожалуй, это не совсем правильно.

Тысячи лет мечтали люди о счастье для всех. Придумывали всякие планы, проекты, шли в бой, сражались и умирали. Вот-вот, думали они, наступит великое время свободной и радостной жизни. Приходила победа, наступало время, о котором говорили, что оно «новое», а счастья все не было, и жизнь по-прежнему была слишком похожа на старую.

И одни только коммунисты нашли верную дорогу к общему счастью. Они повели людей — рабочих и крестьян — на пролетарскую революцию. И при этом коммунисты честно говорили, что свергнуть царя, разогнать капиталистов, помещиков, кулаков — этого мало. Ленин предупреждал, что

пройдет еще много-много лет тяжелой работы, трудной жизни, кровавых сражений, прежде чем она наступит, эта прекрасная коммунистическая пора.

Некоторые думают, что революция закончилась в октябре 1917 года. Но это неверно. В октябре семнадцатого года революция только началась, а продолжается она и сегодня.

Нет на тебе остроконечного шлема-буденовки, грудь твоя не перекрещена пулеметной лентой, все тихо и спокойно вокруг: не стреляют пушки, не шагают отряды матросов в черных бушлатах. Но бой идет. Бой нового со старым. Бой за счастливую жизнь. Бой за красивых, честных, добрых людей, за коммунистическую справедливость. Бой за то, чтоб всем трудящимся людям жилось хорошо.

Когда началась Великая Отечественная война, некоторые мальчишки побежали в военкоматы проситься на фронт. Их строго спрашивали:

— Сколько лет?

— Семнадцать…

— Врешь, сразу видно — четырнадцати нет! А ну кру-гом! Марш домой, к маме!

В том бою, какой идет сегодня, никто не спросит, сколько тебе лет и не отошлет «домой, к маме». Ты нужен в этом бою. Больше того: без тебя его могут и проиграть.

Не думай, что это здесь говорится нарочно, просто потому, что книга эта для ребят. Нет, именно так дело и обстоит.

В бою бывает: один побежит назад — и вся цепь дрогнет, атака захлебнется. И наоборот: один бросился вперед, за ним другой, и вот уже весь взвод поднялся навстречу пулям.

Для страны, для победы нашего дела очень важно, кто из тебя вырастет, тот, кто струсит, или тот, кто будет смелым.

Я знал одного человека. Он рабочий, строитель. Зовут его Петр Павлович Дранин. Лет ему много. У него уже дети старше тебя. Петр Павлович коммунист. Получилось так, что он и его большая семья много лет жили в очень плохой комнате. Подошла его очередь на новую квартиру. Жена радовалась, ходила по магазинам, присматривала мебель — не тащить же старую в новый дом! Но тут устроили какое-то собрание, и Петр Павлович встал и крепко обругал своего начальника за то, что тот плохо руководит стройкой, больше о себе, чем о деле, думает. Начальник этот действительно был дрянной человек. Он тоже коммунист, но из тех, что не вступают, а пробираются в партию. Взял этот начальник и вычеркнул Дранина из списка. Мол, ты меня критикуешь — так вот же тебе новая квартира!

Прошло какое-то время. Опять стали распределять квартиры,

опять Дранин в списке. Жена предупреждает: «Ты смотри, Петя, если даже что заметишь — смолчи. Плохо нам без квартиры, совсем я измучилась!»

Но однажды возвращается Дранин с работы, видит: стоит машина, и на нее со стройки доски грузят. Странное дело… Узнал Петр Павлович: везут эти доски на дачу к их проклятому начальнику. Значит, вдобавок он еще и ворует.

Пошел Дранин в милицию: так, мол, и так. Но тот, хитрый тип, выкрутился и остался на своем месте.

А Дранину опять не дали квартиры.

Можешь верить, можешь не верить, но так получалось четыре раза, пока Дранин все же не доказал свое, и начальника этого сняли с работы и исключили из партии.

Я был на новоселье у Дранина и радовался, что он сильный и честный человек, и злился, что есть еще подлецы вроде бывшего его начальника.

Такие истории бывают в нашей жизни. Видишь — чем не фронт? Чем не война? И тут, как в бою, нужны бесстрашие и выдержка, твердость и вера в победу.

Некоторые ребята думают, что бороться за коммунизм — значит, разучить стихи о коммунизме и красиво их продекламировать. Или выступить на собрании с пышной речью. У таких получается, что тот, кто громче других читает по бумажке свою роль в монтаже, тот и есть самый лучший борец за счастье людей. Но на самом деле никакого счастья никому от декламации не прибавится. И от речей тоже.

Если ты хочешь по-настоящему бороться за лучшее будущее своей страны, учись ненавидеть всяких бездельников, демагогов, бюрократов — всех, кто мешает народу жить лучше. Воюй с ними, как можешь, чтобы страна, в которой ты родился и живешь, быстрее стала такой страной, где каждый человек счастлив.

Сережа и Поливаниха

Если тебя спросить, кого ты любишь, ты ответишь не задумываясь. Много есть людей, при встрече с которыми ты чувствуешь себя счастливым, без которых тебе грустно.

А я хочу спросить тебя о другом: кого ты ненавидишь?

Уверен, что тебе придется подумать над ответом. Может оказаться, что среди знакомых нет ни одного, про кого ты мог бы сказать «ненавижу». И это понятно: добра в жизни куда больше, чем зла; хороших людей больше, чем плохих.

Но все-таки они встречаются, ненавистные нам люди. Хищные. Злые. Себялюбивые. Люди, с которыми никак не сговоришься, не найдешь общего языка, с которыми надо воевать и воевать…

Несколько лет назад на стадионе в Лужниках я познакомился с одним мальчишкой. Его зовут Сережа. В то время стадион только что открыли, и все московские ребята старались первыми попасть в Лужники, посмотреть на это чудо. Я тоже был там, стоял, смотрел и вдруг слышу позади себя:

— Эх, нам бы во двор такой стадиончик!..

Я оглянулся и увидел худенького мальчика. Мне сразу понравился этот фантазер. Мы быстро познакомились, а потом долго сидели и разговаривали.

…Кто никогда не бывал в Москве, тот, быть может, не знает, что там есть еще старенькие, вросшие в землю домишки, крошечные дворики с серыми сараюшками да голубятнями. Сейчас эти дома постепенно сносят, а на их месте строят новые, современные, со всеми удобствами. Вот и Сережина семья недавно переселилась в новую квартиру в восьмиэтажном доме. А когда мы познакомились, Сережа и его мама, брат и три старшие сестры занимали маленькую комнатку в приземистом хмуром здании с потрескавшейся штукатуркой.

Полновластной хозяйкой и в доме и во дворе была Поливаниха, здоровенная противная тетка. Чем она занималась, никто не знал. Каждое утро отправлялась Поливаниха на рынок с плотно набитой сумкой. Наверно, спекулировала.

И сын у нее был такой же. Тридцатилетнего мужчину все звали Валеркой. Он нигде не работал. Говорил, что болен. Целыми днями гонял голубей, приманивал «чужаков», водился с какими-то подозрительными типами, пил водку да играл в карты. И всех мальчишек, игравших во дворе, Валерка старался заставить служить себе.

Гена, старший брат Сережи, давно подчинился Валерке.

Когда-то он был таким же веселым и сметливым, как Сережа. У Гены талант — он хорошо поет. Несколько лет Гена учился в хоровом училище. И жил там же, в интернате. Но в воскресенье, когда Гена был дома, он ни на шаг не отходил от Валерия. Он мечтал точно так же гонять голубей, приманивать «чужака», покупать птиц и перепродавать их втридорога. В их дворе голуби — это деньги. А на деньги Генка был жадный. Скоро он научился их «зарабатывать».

Старшие пьют, посылают за водкой «артиста» Генку. Он охотно бежит — сдача ему. Когда у взрослых «настроение», «артиста» заставляют петь. Гена жалобно просится домой. А Валерка Поливанов под одобрительное хихиканье матери угрожающе басит: «Пой, а то пятки отр-режу!»

И Генка послушно поет.

Что с ним станет в жизни? Из хорового училища его исключили, в ремесленном тоже еле-еле держится…

Вот это царство Поливанихи и Валерки двенадцатилетний Сережа ненавидит всей душой. Ненавидит за то, что Валерка издевается над братом. За то, что Поливаниха скандалит на весь двор, ругает каждого, кто ей в чем-то перечит.

…Живут бок о бок два мира. Один мир справедливый. В нем каждый человек чувствует себя уверенно, свободно. Это наш, советский мир.

А есть и другой мирок — мрачный, жестокий, злой. Там каждый только за себя. Там ничего не стоит унизить человека, запугать его.

Большинство ребят только из книг знают о том, что кое-где еще существует этот старый, страшный мир. Но, если тебе, как Сереже, пришлось столкнуться с ним, тут важно суметь не поддаться, не струсить. А то пропадешь. И сам не заметишь, как и в тебе появится что-то хищное, злое, жадное…

Но что может сделать маленький Сережа против здоровенного Валерки? Драться с ним — не сладишь… И уйти от него не так-то просто.

И все же Сергей воевал.

Однажды Поливаниха заставила Валерку огородить часть двора, где росли два тополя. Так появился первый палисадник. Вскоре вдоль всего дома выросли заборчики из досок, проволоки, кусков железа — у каждого «свой» сад. Радости от него никакой, но зато «свой». А для таких, как Поливаниха, это самое главное. Если бы она могла, она бы всю землю поделила на кусочки, отгородилась бы забором от всего мира.

У Сережиной семьи палисадника не было. Сергей думал: «Если бы эти палисадники превратить в настоящий сад, общий

для всех, вот было бы здорово!»

Рассказал он о своей мечте друзьям. Достали они где-то десять крошечных тополько́в и торжественно посадили их во дворе. Если за дело взяться всем вместе, а не поодиночке, то ребята станут дружнее и легче им будет давать отпор и Валерке и его дружкам. Но утром Сережа ушел в школу, а пьяный Валерка затоптал все тополь́ки. В полчаса с садом было покончено.

Другие бы на месте Сережи и его друзей сдались: мол, в нашем дворе ничего не выйдет… Но едва ударил первый мороз, как ребята начали заливать во дворе каток. Пусть маленький, с пятачок, а все же можно кататься. Однако каток мешал Поливанихе проходить к сараю. И лед скололи ломами.

Ребята опять не отступили. Вновь залили каток, и теперь никто не посмел его испортить. Как раз в это время Поливаниху впервые оштрафовали за спекуляцию, и ей было не до ребят. И, хотя она однажды растянулась на льду и подняла крик на весь двор, поделать ничего не смогла.

А когда каток надоел ребятам, они построили во дворе снежную гору. Потом даже стенгазету выпустили и повесили на видном месте во дворе. Валерка подошел к ней, постоял, поднял руку, чтоб сорвать, но почему-то раздумал. Видно, решил не связываться с ребятами.

…Недавно я вновь встретил Сергея. Как я уже говорил, он теперь живет в новом доме. А тот, старый, снесли. Сережа сейчас кончает радиотехнический техникум. Я расспрашивал его про товарищей: какими они выросли? Оказалось — хорошими людьми. Ни с кем из Сережиных друзей не случилось беды, никто не пошел по следам Валерки.

— А как же Генка? — вспомнил я про старшего Сережиного брата.

Сережа только рукой махнул. Мол, беда. Так и растет Генка эгоистом, лентяем. Вся семья с ним мучается, никак его по-настоящему жить не научат.

Главная минута

Это случилось в Баку. Родители, учителя и товарищи Тофика Гусейнова рассказали мне о его подвиге.

…Ветер на Апшероне коварный. Вот, кажется, только что гнал волны на берег, а уж дует на море, не пускает волны на сушу, и море злится, вода крутит, роет в песчаном дне глубокие ямы.

В этот день, 15 августа 1958 года, было солнце, было чистое, почти белое небо.

Волны чуть выкатывались на берег, и море, ласковое, тихое, теплое, не отпускало от себя.

— Тофик, пошли! — звали сестры.

— Сейчас! Смотрите! — И Тофик скрылся под водой.

Девушки остановились, ждали с тревогой.

Тофика не было. Даже не успели как следует заметить то место, где он только что виднелся. Что же это такое?

Наконец Тофик вынырнул.

— Ну как? — прокричал издалека.

— Здорово! — насмешливо ответила Мина, когда отлегло от сердца. — Моряк!

— Сядет на дно, как газету читает! — сказала с восхищением Рафига.

Они с Миной очень любили младшего брата.

Тофик запрокинул в воде голову, чтобы волна уложила волосы, выбежал из воды и пошел вдоль берега с сестрами.

…Все, что случилось дальше, длилось несколько минут. А для Тофика эти минуты были целой жизнью.

Когда сестры услыхали слабый, едва доносившийся издалека нестройный крик нескольких голосов, Тофик был уже в море. Сначала бежал, рассекая воду, потом бросился вплавь. Там, вдалеке, тонули ребята. Поднявшийся внезапно ветер занес их, пятерых, далеко в море, за черные, едва выступающие над водой скалы.

Плавать никто из них не умел.

Тофик плывет обратно. Его почти не видно, только взлетает над водой рука. Нащупал дно. Несет потерявшего сознание мальчишку. Положил на песок, у самой воды, и бегом бросился в море. Быстрее! Быстрее!

Снова к берегу, на этот раз с девочкой на руках. Тяжело бежать по зыбкому, песчаному дну, но надо. Иначе может случиться несчастье, там, в море, ребята едва держатся.

Тофик передал девочку сестрам и в третий раз бросился в воду.

— Тофик! — отчаянно крикнула Мина, но он не слышал.

Устал. Вода рябит перед глазами. Ноги подкашиваются. Ничего, все будет хорошо, лишь бы добежать до мели, а там недалеко — метров пятьдесят, не больше. Не столько плавал.

Римма Джанибекова уже скрылась под водой, когда Тофик добрался до нее. Быстрее назад!

Но больше нет сил.

Врешь, боцман, еще можно плыть! Ну, немного! Сейчас дно достанешь. Есть! Теперь к берегу. Нет, до берега не дойти. Хоть до скалы, до камня. Вот он.

Тофик положил девочку на камень, на секунду остановился, тяжело дыша.

Что делать? Идти в четвертый раз? Или повернуться спиной к двум тонущим девочкам и побрести, согнувшись, к берегу?

— Возьмите! — крикнул хрипло Тофик сестрам, бежавшим к скале, где лежала девочка. И пошел, шатаясь, в море. В четвертый раз.

И не вернулся.

Когда слышишь про необыкновенного человека, про его подвиг, думаешь: «А я бы смог так? Ну, как Сережа Тюленин? Как Тофик Гусейнов?»

Сказать «смогу» — вроде бы нескромно. Разве можно сравнивать себя с такими людьми? Кто знает, как буду я вести себя в трудных обстоятельствах.

Сказать «не смогу» — значит заранее сдаться, успокоить свою совесть. Я, дескать, не герой. Я обыкновенный, простенький, с меня и спрос небольшой.

Нет, так нельзя!

Путь один — готовиться. А это значит — каждый раз поступать так, будто это она и настала, главная минута жизни.

Обида Вити Леонова

Вот при каких странных обстоятельствах познакомился я с Витей Леоновым.

Это было сразу после войны. Меня послали работать вожатым. В то время в отрядах были не председатели, а начальники штабов, и их не выбирали, а назначали.

И вот передо мной отряд 6-го «Б», известный в школе как самый отчаянный. Даже, пожалуй, не совсем правильно употребить здесь слово «отряд». В классе человек сорок мальчишек (школы в то время были отдельно мужские и отдельно женские), и ни на одном не видно пионерского галстука.

Нет, у одного был. Этот паренек сидел на задней парте, худенький, с упрямым, немного хмурым взглядом.

И я сразу представил себе: наверно, товарищи его не раз удивлялись — чего это он носит галстук, когда никто уже не носит. Наверно, над ним смеялись и называли маменькиным сынком или еще как-нибудь. А он все равно приходил в школу с красным галстуком.

Я был очень неопытным вожатым. Я сразу спросил:

— Как твоя фамилия?

— Ну, предположим, Леонов… А что? — не очень ласково протянул мальчишка.

Отвечая, он приподнялся и сел на спинку парты. Вроде бы встал — это для вожатого, и вроде бы не встал — это для ребят. Видно, я не очень-то понравился ему.

— Ты будешь начальником штаба.

Леонов посмотрел на меня с презрением: откуда, мол, еще такой взялся?

— Почему я? — спросил он насмешливо.

— Ну, хотя бы потому, что у тебя одного пионерский галстук.

И в ту же минуту я пожалел о своих словах.

Я мог ожидать чего угодно, только не того, что произошло.

Виктор сполз со спинки, небрежно, лениво развязал узел галстука, сдернул его и сунул в карман.

— Ну? А теперь буду? — насмешливо спросил он меня.

В классе все захохотали, зашумели, закричали. Только мне было не смешно.

Я понял, какую глупость совершил. Ну конечно, Виктор и должен был так поступить. И я бы на его месте поступил так же. Перед всем классом выходило, что с помощью галстука он как-то отличился, чуть ли не выслужился. Чистота галстука была запятнана.

— Будешь! — упрямо и зло крикнул я, потому что отступать было поздно.

Два здоровых парня у окна загоготали еще громче.

И тогда Виктор вновь удивил меня. Он встал, обвел ребят долгим взглядом и негромко, но так, что услышали все, сказал:

— А впрочем, я передумал. Буду.

В классе сразу стало совсем тихо. С парты у окна насмешливо крикнули:

— Давай, Витек, давай!

Но это был последний выкрик.

Когда бы я ни зашел в отряд 6-го «Б», я видел на Викторе его старенький красный галстук со свернутыми в трубочку концами. Потом еще у нескольких ребят появились галстуки, потом их стало больше…

А Витю Леонова через год выбрали председателем совета дружины. У него был твердый и независимый характер. Он никому ничего не прощал: ни ребятам, если они были виноваты, ни мне, старшему вожатому, если я что-нибудь делал не так. Слово Вити было законом для всех.

— Н-ну, я думаю… — не торопясь, чуть растягивая слова, начинал он и всегда говорил самое нужное, самое справедливое.

Когда Витя перешел в 9-й класс, то в школе даже скандал получился, потому что одни хотели выбрать его в комитет комсомола, а другие требовали оставить его в совете дружины — он всюду был нужен.

Прошло много лет. Витя Леонов окончил школу, потом — университет.

Недавно он погиб в экспедиции в горах Кавказа.

Я часто вспоминаю Виктора в тот день, о котором я рассказывал.

О самом дорогом вслух не говорят. Вот почему обиделся на меня тогда Витя Леонов. Неприятно, когда тебя попрекают галстуком, еще более неприятно, когда тебя хвалят за него. Стыдно, если носить галстук принуждают.

Мы повязываем утром пионерский галстук не потому, что кто-то заставляет нас делать это, и не потому, что с галстуком аккуратнее выглядишь. Нет, мы повязываем галстук по своей воле, потому что нет нам без него жизни, потому что он — цвета крови.

А крови рабочих, делу рабочих изменять нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

На берегу Москвы-реки

Вот и подходит к концу наше с тобой знакомство. Наверно, ты со мной не раз спорил. Ведь в этой книге речь идет не о жизни вообще, а именно о твоей жизни, и, конечно, ты лучше меня знаешь ее. Напишу строчку и слышу твой голос: «Нет, неправда, со мной было совсем не так». Ну, а если с человеком с утра до вечера споришь и в конце концов находишь общий язык, он обычно становится твоим другом. С друзьями же нет ничего приятнее, как бродить по дорогам и болтать обо всем, что в голову придет. Может, и вправду хватит нам с тобой сидеть в комнате? Вечер славный, холодноватый и чистый, какие бывают в конце сентября в Подмосковье. А может, и в том месте, где ты живешь, такие вечера.

Смотри — три дороги перед нами. Одна — узенькая тропинка — в лес уходит. Другая — разбитая, с глубокой колеей — проселочная. А третья — шоссейка.

По тропинке я люблю бродить один — никто не мешает думать и разглядывать всякие лесные чудеса. По проселку хорошо шагать отрядом — мягко ступать и дорога недлинная, сразу в деревню приведет. А там люди — подтянись, отряд, поправь рюкзаки. Последние — не отставайте!

Ну, а мы с тобой доверимся шоссейке. Пойдем шагать легким шагом по асфальту, да отходить на обочины, если навстречу промчится редкая машина, да гадать, куда это направился «газик» и кто это пронесся на трескучем «ИЖе».

Смотри — синее небо воюет с наступающими сумерками. Не хочет сдаваться! Там, далеко над лесом, густой черно-синей полосой выступает темнота, но тут же переходит в фиолетовое, оранжевое, голубое… А над нами небо бледное и прозрачное, и луна еще белесая, как медуза. Робко поднялась, притаилась — не сразу заметишь. Ждет своего часа, когда она одна будет сиять над лесом и над полем.

Шоссейка нырнула в лес. Теперь на километры пойдут справа и слева высоченные сосны, да ели, да золотые березки, да красно-медные дубки. Выстроились, поднялись, все небо загородили — остался над дорогой узкий голубовато-белый клин. Как будто это и не лес вовсе, и отряды стоят на параде. А может, и вправду — слева отряд, и справа отряд, и только узенькая линеечка разделяет их, и мы, как лилипуты, идем по этой линейке… Переговариваются, перешептываются, ждут команды. Сейчас начнется торжественный смотр… Вот, гляди — затих ветерок и замерли отряды, как будто пронеслось над лесом: «Смирно!»

Непоседа дубок спустился к самой обочине, хотел, видно, перебежать дорогу, да так и замер. Команда есть команда. Стой, не шевелись там, где она застала тебя… Ого, вон мотоцикл мчит навстречу… Наверно, это везут в последние ряды какой-то срочный приказ.

А что, если б позвать сюда всех-всех ребят, какие есть, пожалуй, получился бы вот такой же большущий строй и так же стояли бы отряды, замерев, ожидая команды, и так же, как осенние красные листья, горели бы алые галстуки.

Но смотри, смотри, оказывается, мы с тобой ничего не выдумали. Тут и в самом деле парад, вечерняя лесная линейка! Вот прямо в небо взвились красные шелковые знамена. Думаешь, это уходящее солнце окрасило облачка в небе? Ничего подобного! Уверяю тебя, это настоящие флаги, километры алого шелка поднялись в небо на невидимых флагштоках. Это, наверно, в нашу с тобой честь, в честь того, что мы вот тут шагаем и у нас такое хорошее настроение и жизнь такая хорошая.

А жизнь и правда хорошая. И такая ли еще будет! Смотри, сколько всего вокруг люди понастроили. Вот шоссейка — ее метр за метром укатывали, сюда возили щебень и асфальт. Здесь гудели, надрываясь, моторы. А потом и люди и машины перебрались в другое место, строить другую дорогу, а эту нам с тобой оставили, чтоб мы могли ходить. Вот телефонные столбы — каждый обтесывали, тащили, вкапывали. Потом связисты на железных лапах — кошках — лазили, привинчивали фарфоровые изоляторы, натягивали провода…

Перед деревенькой — открытое место. Здесь, вдоль дороги, аккуратно, шалашиками, сложены посеревшие от долгого стояния на ветру и на солнце решетчатые щиты. Из них зимой складывают забор, чтоб снег не заметал дорогу. Над каждым щитом возился какой-то добрый человек в спецовке. Стругал, примеривал, сколачивал…

Совсем небольшую работу делает один человек за день, но людей много, и у каждого длинная-длинная рабочая жизнь, и все вместе они столько успевают сделать!

Все-таки, наверно, лучше всего на свете быть строителем. Строитель — пусть дорогу проложил, пусть столб поставил, пусть домик срубил хоть в одно оконце, а все ж стоит на земле, на земном шаре, его домик, его столб, протянулась его дорога. И так — домик к домику, дорога к дороге, столб к столбу — сколько всего накоплено на земле!

Ты не согласен со мной? Ты хочешь собирать приемники, или печь хлеб, или заведовать фермой? Что ж, может, ты и прав, не буду спорить. Я лично, если бы можно было сначала выбирать,

пошел бы в строители. А ты смотри, это твое дело.

Мы еще с тобой многому научимся в жизни и многое увидим. Знаешь, сколько радостей тебя ждет? Если бы ты мог все это себе представить, у тебя бы дух захватило.

Будет такой вечер, когда ты — в который раз! — услышишь музыку Бетховена и вдруг почувствуешь себя очень сильным.

Будет день, когда откроешь ты маленький томик и обнаружишь, что есть на свете такое счастье — стихи. Это случится однажды, и я не знаю, чьи это будут стихи. Только вдруг этот мир откроется перед тобой: чудесный мир музыки, человеческих щедрых чувств, ярких красок, любви…

Придет день, когда я встречу тебя на такой же лесной дороге, а рядом с тобой увижу худенькую девчонку с косичками. И вы будете бегать наперегонки, и прыгать на одной ножке, и дурачиться, и размахивать руками, и ты вдруг приложишь ко рту ладонь и на весь лес подашь знак туристов и влюбленных:

— Ого-го-го-го!

Если громко и протяжно кричать и одновременно хлопать по губам ладонью, то как раз такой знак и выйдет.

И она тоже на весь лес:

— Ого-го-го-го-о!

И, может, у нее даже громче получится. Ведь у девочек голос звонче.

Будет в твоей жизни много радости, будет и любовь, и горе, и тоска, и счастье.

Да, пожалуй, и неправильно говорить об этом в будущем времени — и сейчас уже многое с тобой случается.

Смотри, пока мы разговаривали, вечерняя линейка кончилась. Флаги на небе спустили, солнце-вожатый ушло. Сосны и ели опять вольно шумят — болтают на ветерке.

Давай свернем с шоссейки, надоела она что-то. Пойдем ну вот хоть сюда — скошенным лугом, напрямик, к берегу Москвы-реки. Простенькая здесь Москва-река, совсем нешироката, метров тридцать. Притаилась под бережком и журчит еле слышно. Все тихо вокруг. Тихо… А мне рассказывали, что как раз здесь проходил фронт. На том берегу — видишь, он повыше этого, с небольшим обрывом, — были фашисты. Мы с тобой идем по полю и радуемся тишине, а когда-то в такой же осенний вечер, только, наверно, было гораздо холоднее, умирал здесь солдат. Все патроны не успел еще расстрелять, и его ударило осколком. У врага на том берегу пушки были. Лежал человек ничком, текла из раны кровь, и уходила его жизнь, и не было у него силы повернуться, чтобы в последний раз посмотреть на небо. Да и в

небе ничего радостного не было — летели на бомбежку фашистские, с крестами, самолеты.

Нет, тот солдат, наверно, не верил, что умрет. Он думал: вот совсем стемнеет — и придут санитары и вытащат его вместе с его винтовкой, и он будет жить…

Сейчас опять наступило тревожное время. Может, нам с тобой однажды придется быстро повзрослеть. Ты узнаешь, что такое воздушная тревога, бомбы, смерть родного человека… Но будем надеяться на лучшее и будем делать все, чтобы люди на земле жили в мире.

Во время войны я был мальчишкой, таким же, как ты сейчас. В те годы на пионерских сборах мы читали чудесные стихи Самуила Яковлевича Маршака:

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

Я их на память привожу, эти строчки; может, я ошибаюсь в каком-нибудь слове, но мне запомнилось так:

Ты каждый раз, ложась в постель,
Смотри во тьму окна
И помни, что метет метель
И что идет война.

Мы сейчас с тобой вернемся домой. Там тепло, уютно и можно залезть в буфет и отрезать кусок хлеба — кажется, проголодались! Хорошо дома!..

И все-таки будем помнить про того бойца, который так и умер на берегу Москвы-реки, и про то, что где-то на земле в эту самую минуту метут злые метели и люди борются с ними и ждут, когда ты придешь к ним на помощь — придешь умный, твердый, спокойный. Настоящий.

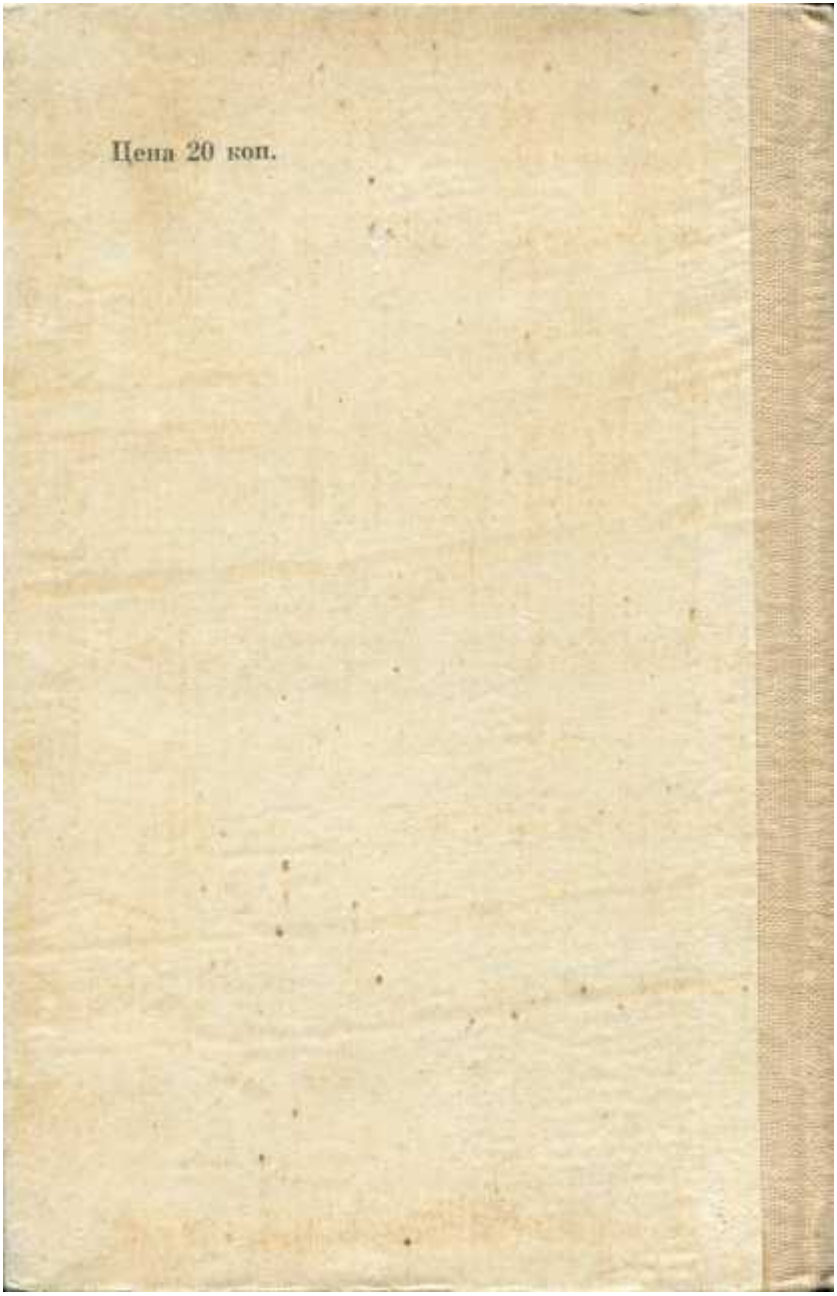
Вот и последняя страница книги.

Не знаю, как тебе, а мне жаль с тобой расставаться.

Давай условимся так: если тебе захочется продолжить этот разговор — рассказать о себе, или поспорить со мной, или просто посоветоваться, — напиши мне по такому адресу:

Москва, А-47, ул. Горького, 43.

Дом детской книги.


Цена 20 коп.